

ВЛАДИМИР ЭЙСНЕР

ЖИТЬ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Владимир Иванович Эйсер
Жить не обязательно
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40426030

Эйсер В. И. Жить не обязательно. Роман, повести: ООО

«Издательство «Вече»; Москва; 2018

ISBN 978-5-4484-7724-9

Аннотация

«Жить не обязательно» – это арктическая робинзоада. Но если Робинзон выжил в тропиках, имея огонь и запас инструментов, то рыбак Александр Гарт выбрался из ледяного прибойного крошева на скалистый берег босиком, лишь с ножом на поясе... В книгу включены также повести «Время южного ветра» и «Солнечка» – увлекательные истории жизни в суровом и прекрасном северном крае.

Содержание

От автора	6
Жить не обязательно	8
Пролог	9
1. Кораблекрушение	11
2. У костра	15
3. Спать!	19
4. День третий	21
5. Бочка	25
6. Уныние	28
7. Станный сон и чайка	31
8. Белуха, сайка и «босой»	35
9. Сережет	42
10. Дальняя прогулка	45
11. Морж	50
12. Арбалет	54
13. «Утро туманное, утро седое...»	56
14. День рождения	60
15. Заболел	67
16. Тет-а-тет	73
17. Не храбрый портняжка	78
18. Сосед	82
19. Черныш, Малыш и стрелы	90
20. На охоте	95

21. Подружились	103
22. Карабин	109
23. Дела домашние	111
24. У моря	114
25. Избушка	117
26. Инга	119
27. Будни промысловика	124
28. Navigare necesse est[5]	130
29. Старый костёр	133
30. Беседа с Чернышом	136
31. Пропавшая экспедиция	140
32. Неожиданный визит	143
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Владимир Эйснер
Жить не обязательно
(сборник)

Знак информационной продукции 12+

© Эйснер В. И., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

От автора

Дорогой читатель!

Из опыта встреч с людьми в разных городах и странах, я сделал грустный вывод: большинство людей не только никогда не бывало на Севере (чем их нельзя попрекнуть), но и ничего про Север не знают, а школьные сведения быльём поросли.

А ведь только в России великая северная степь – тундра – раскинулась от Норвегии до Аляски и живёт там два миллиона человек!

Когда кто-нибудь сообщает: «Я работал на Севере», то сразу замечаешь и реакцию слушателей. А-а-а! Это далеко и холодно, но там длинные рубли!

О том, что не все хорошо зарабатывают, а многие живут на грани голодной смерти, о том, что в Сибири и Казахстане холоднее, чем в европейской тундре России, о том, что есть за Полярным кругом огромное незамерзающее море, большинство не ведают ни сном ни духом.

Но кто там был, согласится: Север – сказочная страна.

На Севере солнце на юге восходит и на юге заходит.

На Севере не ходят на лыжах, а снег пилят пилой.

На Севере и щепка дорога: в тундре нет дров.

Но зачем все бегут на Север?

Гуси, утки, кулички и чайки, лебеди, орлы и совы – все летят на Север.

Олени, волки, лемминги, песцы – все бегут на Север.

Люди, однажды побывав, тоже спешат на Север.

Почему?

Может, виной тому необычная природа, работающая враздрай с предыдущим жизненным опытом человека, природа, на которую никогда не перестаёшь удивляться?

Может, это тяжкие будни? Работа, от которой жилы рвутся и без которой уже не мыслишь себя?

Может, это тишина? Великая, всеобъемлющая, изначальная, в подкорке отозвалась, в кровь вернулась, где и возникла ещё до деревень и городов?

Может, это живительная сила северной воды?

Может, это повышенная напряжённость магнитного поля, которым пронизана всякая живая плоть? Не она ли причина ностальгии по Северу? Этой непонятной, манящей колдовской, тоски по другому миру, по идеалу, по чистоте, по правде, по раю?

Надеюсь, читатель сможет сам ответить на этот вопрос.

Жить не обязательно

Navigare necesse est, vivere non est necesse¹.

---

¹ Плавать по морю необходимо, жить необходимости нет (*лат.*).

Пролог

Если лететь быстрым соколом вниз по Енисею на север до устья его и дальше всё на север, на север, до острова Диксон, и ещё на север вдоль берега Карского моря, то на семьдесят пятой параллели откроется взору группа необитаемых островов.

Здесь, в тысяче километров к северу от Полярного круга, недавно бушевала буря с дождём и мокрым снегом. Вдоль западных берегов этих клочков суши образовались барьеры из выброшенных волнами льдин, брёвен, брусьев, досок, бочек, бересты, бутылок и тряпок: всего что плавало и было подхвачено буйной стихией.

На одном из островов горит костёр. Напротив костра на дне моря лежит рыбацкая лодка. У костра сидит босой мужчина лет тридцати и жуёт утиную печень. Время от времени он греет над пламенем обломок доски и становится на него, согревая ступни.

Жеванину он сплёвывает в мешочек, сделанный из снятой чулком утиной шкурки.

Слева от него лежит наспех сделанный арбалет, справа – грубо вырезанное деревянное блюдо, в котором ещё три печени: одна утиная и две от больших хищных чаек-бургомистров.

Шкурки морских птиц – суть не пропускающие влагу ме-

шочки из пуха и перьев. Их них можно пошить носки. Но сначала шкурки надо выделать.

Кашица из печени под действием ферментов слюны начинает бродить. Тогда следует намазать ею мездру и оставить в тёплом месте до почти полного высыхания, а потом размять. Такой способ хорош, когда никакой кислоты нет под руками.

Закончив жвачное дело, кораблекрушениц натягивает шкурки на дощечки, намазывает мездру бурой нажёванной кашицей и ставит болванки сушиться недалеко от костра.

Время от времени подходит разминать и вытягивать кожу. Главное – не давать ей пересушиться, а то потрескается, начнёт рваться и вся работа насмарку.

1. Кораблекрушение

В середине июня черно-оранжевый силуэт ледокола взломал горизонт. Там стало дымиться море и прошли караваны, а здесь, между островами архипелага, всё ещё стоял лёд.

Сашка стал опасаться, что в этом году припай, береговой лёд, вообще не тронется, такое бывает, и он не сможет отремонтировать и подготовить к сезону раскиданные по островам ловушки на песка.

Наконец в конце июля прошли дожди и выдались тёплые дни, а в начале августа хиус, резкий северо-восточный ветер, оторвал припай².

Над архипелагом засияло солнце.

Гарт столкнул на воду старенькую деревянную лодку, уложил в неё рюкзак с запасом еды на три дня и запустил мотор.

Собаки своей не дозволялся. Таймыр ещё щенком обжётся о выхлопную трубу стационарного мотора и с тех пор невзлюбил лодку. Стоило начать сборы на выезд, как он заползал в самый дальний угол или вообще убегал в тундру – ищи-свищи.

Вот пишут в книгах: «буря налетела внезапно». Так не бывает. Резкая перемена погоды даёт знать о себе резкой чертой на горизонте.

---

² Припай – береговой лёд, примёрзший, «припаянный» к берегам, мелям и рифам.

Гарт увидел эту тёмную полосу, когда до самого южного острова на его рыболовно-охотничьем участке оставалось километра два.

«Успею!»

Но вдруг качнулись берега, море прогнуло спину, и пошла длинная, пологая зыбь – первый привет от шторма.

Ещё две волны прокатились под лодкой, белый барашек с гребня догнал судёнышко, и мотор замолк: вода залила магнето. Рыбак пересел на вёсла, – до берега рукой подать. Следующий вал выбил весло из уключины, и лодка встала боком к волне. Вскочив на ноги, парень стал грести оставшимся веслом то с правого, то с левого борта, изо всех сил стараясь держать судно поперёк волны, но уже попал в прибой, и лодка, полная воды, стала погружаться.

Едва успел снять карабин и вновь закинуть его за спину дулом вниз, торчащий над плечом ствол мешает грести, как вал ледяной воды накрыл с головой.

На берег выполз без карабина, без шапки, без сапог.

Выплюнул песок.

Вытряхнул воду из ушей.

Вонзил в густой воздух кулак.

Будем жить!

Направо, как зубы дракона, торчали камни из песка. Раз за разом накрывал их прибой. И налево камни. И там с грохотом разбивалась волна. Лишь посредине песчаная дорожка, по которой и выбрался на берег.

«Та-а-к... С чем мы остались?»

Ощупал, охлопал, огладил себя.

Нож на поясе и патрон в кармане.

Ладно.

Раздеться.

Отжать одежду.

Натянуть сырое и бегать.

Так бегать, как никогда не бегал.

Так тело разогреть, чтоб одежда высохла.

На мху за линией приборя нашлось несколько крепко скрученных волнами рулончиков бересты. Это драгоценность. Внутри они сухие и, разлохмаченные ножом, легко загораются.

Ветер гнал и гнал льдины на берег. Волны громоздили их одна на другую и дробили о скалы. От тяжких ударов приборя стоял низкий гул, и земля ощутимо дрожала под ногами.

Если не удастся развести костёр...

Собирая дрова на берегу, заметил вдруг рядом с собой нарядного «шведского соловья», так иногда называют певчую птичку варакушку.

Гарт вытаскивал из плавника или подбирал на песке обломки палок и досок. Следуя за ним, быстрый и вёрткий птах внимательно осматривал щели в досках, отставшую от брёвен кору или отпечаток палки на песке.

Пока рыбак набирал охапку дров, он набирал полный

клов насекомых и личинок. Добыл здорового червяка, которого немедленно куда-то унес, а вскоре вернулся с помощницей: невзрачная серенькая супруга его с такой же ловкостью шмыгала в куче плавника, как и он сам. Наверное, где-то рядом было гнездо с птенцами.

Сашка согнул из палки небольшой «индейский лук», тетиву для которого сделал из отрезанной от брючного ремня полоски кожи. Вбил в песок рядом с большим валуном обломок палки, отступив на шаг – ещё один. Повесил на эти кольца мокрую куртку, как защиту от ветра, прижал коленом обломок сосновой доски и наметил в ней концом ножа ямку у самого края.

Вращая тетивой берёзовую палочку в ямке, вскоре добыл чёрный тлеющий порошок.

На этот порошок положил трут: тонкие, как папиросная бумага, колечки верхнего слоя берёзовой коры. Вытащил зубами пулю из патрона, насыпал немножко пороха на трут и вскоре раздул огонь.

Ветер сильно дул в уши, заткнул их мохом.

2. У костра

Пошёл зарядами мокрый снег. То густо – руки не видеть, то перестанет совсем. Махом по щиколотку намело.

«Господи! Подожди с непогодой. Пусть угли нажгутся!»

Костёр крушенец шатром выстроил, многослойно круглыми палками обложил, как старые охотники научили. Сквозь щели ветер огонь раздувает, ближние слои горят, дальние сушатся, угли внутри собираются.

Из трёх длинных толстых жердей связал берестой треногу, выставил её над костром и обложил с трёх сторон досками и палками, а щели заткнул мохом и грязью, так что над костром получилось подобие шатра или чума, который и стал принимать на себя хлёсткие струи дождя и заряды мокрого снега.

С подветренной стороны этого «футляра» Сашка оставил дверь, где, сидя на корточках, и обогревался, когда становилось невмоготу.

Вместе с дровами стал подбирать и пластиковые бутылки, и фляжки от пива, лосьонов и шампуней, куски пенопласта, непонятого назначения баночки-коробочки и пустые разноцветные зажигалки.

Всё, что может гореть, накидал в старый рассохшийся бочонок и принёс к шатру. И ещё нашёл две стеклянные бутылки, обрывок верёвки и небольшую пластиковую канистру.

С канистры срезал верх и боковую сторону. Получилось некое подобие шлема. Надел его на голову, натянул капюшон и мысленно сказал спасибо человеку, бросившему или уронившему этот сосуд за борт.

И тотчас увидел себя со стороны: на голове канистра, из ушей мох торчит, из штанин вода течёт.

Пугало-пугалом, но не до смеху. Озноб, как в лихорадке. Ветер последнее тепло с тела срывает.

В прошлом году на реке погиб рыбак. Такой же бешеный ветер с мокрым снегом выбросил его лодочку на песчаный островок в двух километрах от посёлка. Ни деревца, ни кустика. Нашли его через три дня под лодкой, где он пытался спрятаться от непогоды...

На берегу прибой накидал барьер из мелкобитого льда, в котором тут и там высились оплывшие скалы паковых льдин. Об эту бело-синюю стену разбивались волны, над ней металась чайки и свистел ветер.

Было что-то грозное, жуткое, неистовое в бесконечных атаках моря на берег.

Вот, разбитый в клочья, вдребезги, в пыль, растекается исполинский вал по камням и льдинам. И, кажется, никогда уже не поднимется, смирится, успокоится, стихнет, но проходит минута-другая, он возрождается вновь, и вновь обрушивается на берега, и вновь отброшенный начнёт сначала.

И вдруг Сашка явственно услышал голос: «Видишь чёрную лепёшку среди льдин?»

Парень всмотрелся:

«Неужели бензобак?»

Так и есть! Его сорвала со штуцера волна. Но как он оказался по эту сторону ледяной стены? Как его не прихлопнуло льдиной, не разбило о камень?

Сгибаясь под ударами ветра, Гарт подошёл ближе и увидел чудо: просвет в ледяном заборе. Всего-то метра два шириной была эта калитка. Но именно сюда протолкнула остроносая льдина бензобак и зелёную пластиковую бутылку, в которой Сашка возил солярку для разжигания костра.

Бачок был полупустой, часть бензина съел мотор, часть вытекла, но литровая бутылка с соляркой обрадовала руку тяжестью: пробка на ней держалась крепко.

Должно же когда-то и повезти человеку!

Костёр всё же угасал, несмотря на все ухищрения. По краю он парил, а посередине из последних сил рубили дым чуть живые красные сабельки.

Лить в огонь бензин из канистры нельзя: канистра взорвётся в руках, потому что в ёмкости над бензином скапливается взрывоопасная смесь бензина и воздуха.

Сашка стал обливать бензином дровеняки и бросать их в костёр. Но без толку: бензин мигом обгорает, а палка мокрая была, мокрая осталась.

Тогда он стал бензин в ёмкости пластиковые наливать и в середину костра их палкой проталкивать. И сразу похвалил себя за верный ход: бензин не вспыхивает, а вместе с пласт-

массой горит, как напалм.

Так парень проплясал двое суток. Не просушился, конечно, но к полусырому своему состоянию притерпелся. Ноги сначала стали красными, а потом посинели. Согривал он их так: подержит обломок доски над костром, а потом на него становится.

В обломке бруса Гарт вырезал углубление размером с кулак, раз за разом наполнял его водой из базальтовых ямок на берегу и подсовывал ближе к углям костра. Эту горячую, солоноватую воду он пил и прогнал озноб из тела.

На берегу заметил песка в чёрно-бурой летней шубе, который что-то подбирал на песке и с жадностью разгрызал, «не отходя от кассы». Несколько крупных чаек-бургомистров носились над краем моря, выхватывая из кипящей пены оглушённых прибоем рыбок.

Тогда и человек стал искать еду и нашёл несколько выброшенных прибоем рыбок-бычков, а на изнанке перевёрнутой льдины вмёрзшую в лёд ленту морской капусты.

Одного бычка распластал ножом на кусочки и съел вместе с обрывком этой водоросли, но минут через десять его вырвало, и голод только усилился.

3. Спать!

Но вот появились разрывы в облаках, а ветер стал порывистым. Это значит, непогода скоро уляжется.

Избавился от надоевшей канистры на голове и просушил одежду. Какое это наслаждение – надеть всё сухое и тёплое и глотнуть горячей воды!

Теперь спать! Спать, спать!

Но негде голову преклонить. Единственное сухое и тёплое место – кострище.

Раскидал полустгоревший остов «чума» и разгрёб угли.

На пышущий жаром чёрный овал на песке уложил две доски, от которых сразу пар повалил, и пошёл устраивать костёр-нодю³.

И вдруг с удивлением обнаружил, что хромает.

На правой ступне под большим пальцем был большой, сочащийся кровью порез, а вот когда и где поранился, вспомнить не мог.

Ранку присыпал пеплом, уселся на теплые доски, накинул на ноги пуловер и заснул, едва коснувшись спиной постели.

Но тут же и проснулся: нагретые доски нестерпимо жгли тело. Однако пропитанный усталостью мозг требовал одного: спать! Сашка приподнимался, крутился с боку на бок, вновь и вновь впадая в сонное беспамятство, но неиз-

---

³ Нодья – костёр из двух или трёх брёвен. Долго горит и даёт ровный жар.

менно просыпался от жары.

Наконец, не в силах больше терпеть этой пытки, он вско-
чил на ноги.

За двое суток вечная мерзлота под костром глубоко отта-
яла, большой объём песка не только просох, но и накалился
и отдавал жар.

Чтобы кострище остыло, – просто подождать.

Но какой там ждать! Спа-а-ть!.. С криком откинул доски
в сторону и заснул возле кострища на четвереньках, плечом
в камень.

Спа-а-ть...

Очнувшись от боли в локтях и коленях, поднялся. На мо-
ре всё ещё гуляли белые барашки, но гул прибоя превратил-
ся в мерный рокот, а ветер стал мягким и тёплым. Полоса
синего неба появилась на западе.

Радость какая!

Синее небо – это циклон выдохся и стихает. Если бы жёл-
тое – циклон повернул на север и скоро ударит в спину. А
ещё двое суток... об этом и думать не хотелось.

Гарт растёр колени и локти, уложил доски на место, опять
закутал ноги и заснул как умер.

4. День третий

Проснулся от пронзительной боли в правой ступне: будто шило всадили!

– Ты чего! – заорал в полусне и, как пружиной подкинутый, сел на постели.

Никого рядом не было. Только крупная чайка-бургомистр нехотя отлетела и растворилась в тумане. Подогнул ногу и стал рассматривать порез под большим пальцем ноги. Ранка опять кровоточила.

Пуловер, которым Гарт укрыл ноги, лежал, отброшенный в сторону, вот чайка и клюнула, где кровь. Бургомистры, самые большие чайки, – разбойники и «санитары» тундры. На птичьих базарах воруют яйца у маленьких чаек-моёвок, кайр и чистиков. Выведутся птенцы – и птенца украдут, разорвут на части, чтобы своих накормить, леммингов, куличков, утят и гусят ловят, ослабевшего от голода песца насмерть забьют, остатки медвежьей трапезы подчистят, падаль подберут.

Чайка-бургомистр приняла Гарта за мертвеца. И это было неприятно, как насмешка сильного над слабым.

Вокруг стоял густой туман, как и должно быть после зюйд-веста.

Нодья, верная работница, дымилась. Сашка заковылял к костру, и тут оказалось, что всё тело его разбито, как будто

по нему катком проехали, но сильнее всего болела голова. За ухом вспухла большая, горячая шишка. Очевидно, приклад карабина напоследок приложился.

Вспомнилось, как ударила в грудь и с такой силой завернула назад откатная волна, что он чуть «мостик» не сделал, аж в спине хрустнуло. Вот тут, наверное, и упустил винтовку. Значит, искать у самого берега.

«Найдёшь, как же! – услышал вдруг внутренний голос. – Там сейчас льда навалило, карабин в грязь вдавило...»

Без оружия в тундре всяко-разно маячит голодовка, об этом даже думать не хотелось.

Подновил костёр-нодью и выпил из обгоревшего своего деревянного сосуда горячей воды.

И сразу голод напал, такой голод – неопалёного старика съел бы!

И очень стало ему себя, дурака такого, жалко.

И стыдно было, что упустил карабин. Оружие бросил.

И совесть мучила, что Таймыра оставил.

И кашель, мушки в глазах.

Но будем жить!

Выпил ещё воды и ещё два костра разложил. Окружил себя огнём и дымом. Юго-западный ветер имеет привычку возрождаться на севере. А сиверко нагоняет большие паковые льдины и обломки айсбергов. На них бесплатно катаются те, которые в любой мороз босиком ходят.

Ранку Сашка вновь засыпал пеплом, отрезал полоску от низа рубашки, замотал ногу и вырезал себе сандалии из дощечек. Отрезал рукава от куртки, завязал их спереди – получились носки. Расплёл найденную ранее верёвочку на шнурки и укрепил сандалии на ногах шнурками.

Ещё бы чего на зуб положить!

Привязал нож к двухметровой палке и пошёл вдоль берега своё новое хозяйство осматривать.

Примерно в трёхстах метрах от костров бежал ручеёк. Он вздулся и бурлил как настоящая река, даже пена к берегам пристала. В устье ручейка был водоворот, там кружились, плавали, ныряли и гонялись друг за дружкой маленькие уточки-морянки, легкомысленные и жирные создания с большой вкусной печенью. Охотник подошёл к уткам шагов на десять, но они не улетели, лишь отплыли подальше.

При воспоминании о жареной утиной печенке у парня слюнки потекли и голова закружилась. Круто развернулся и пошёл вдоль пляжа искать крепкую палку. Лук и стрелы – что же раньше-то не сообразил?

Как смастерить лук и стрелы он знал с детства.

Вскоре большой лук и три стрелы из длинных палочек были готовы.

Но тут же убедился, что стрелять из такого лука можно, а попасть нельзя. И стрелы неровные, и навыка нет.

Голод, как зверь, терзал внутренности.

И тогда Гарт в отчаянии закричал в небеса:

– Боже, где ты есть? Помоги! Научи, где найти еду, не дай ослабеть телом!

5. Бочка

В тундре, среди зелёного и красного мха, то и дело попадались толстенькие белые запятые. Это ягель, олений мох. Его можно есть, если выварить с добавкой золы, а так он горький, утверждали бывалые зимовщики.

«Ничего, стерплю», – решил Сашка, сорвал несколько барашков ягеля и стал жевать.

И выплюнул. Горечь нестерпимая. Как же его олени едят? И не вываришь – кастрюлька на дне моря.

Надо сделать кастрюлю, плохо без посуды.

И тут, как по заказу, попалась на глаза бочка. Она была закидана сверху всяким мелким древесным мусором, лишь торцевая часть чуть отсвечивала красным.

Очистил от мусора, покачал – плещется. Неужели солярка? Камнем отбил-открутил пробку на днище и наклонил бочку. Грязная вода. Но не обиделся на Нептуна: слишком много удачи сразу – тоже нехорошо.

А бочка не просто удача – это счастье. Вырубить днище и сделать себе из этого куса жести кастрюлю, а в бочке можно от дождя прятаться!

Гарт откатил своё «счастье» к биваку и пошёл железяки искать из каких можно бы зубило сделать.

И так воодушевился, что и кашлять стал меньше и головная боль поутихла.

Теперь он искал не дрова, а железо, и нашёл много. Почти в каждой старой дровеняке торчал гвоздь, а то и несколько.

На длинной песчаной косе лежал почти целый переходной мостик из полубруса, скреплённый стальным тросом и скобами. Неподалёку – кусок щитовой стены здания с дверным проёмом без двери, с кусками штукатурки на стенах, батареей отопления и электропроводкой. Очевидно, следы наводнения.

А неподалёку от мостика лежала лодка.

Лодка-лодочка из тонких бамбуковых палок.

Лохмотья плотной обшивки остались на бортах.

Сбил с этой игрушки глину и осмотрел. Киль её из толстого, красиво загнутого, тёмного дерева смотрелся сказочной завитушкой. Несколько рёбер было расщеплено, очевидно, уже здесь льдины приложились, но сам факт того, что бамбуковая лодочка из Мексики или Карибских островов достигла Карского моря, заставил проникнуться уважением к «печке Арктики», Гольфстриму.

Лодка была длиной в четыре шага. Отволол её «домой» и уложил у костра. Решил: лодочку переверну, щели мохом заткну – вот тебе и крыша готовая!

Из одного треснувшего бруса ему удалось извлечь толстый железный болт. Пользуясь этим шкворнем как рычагом, он выдернул из мостика три скобы. Подобрал на песке длинный кусок толстого манильского каната, смотал его в бухту и отнёс повыше, за линию прибоя.

Скобы были острыми. Гарт сунул одну сгибом в огонь, а потом «расплескал» камнем на камне. Получилась острая Г-образная железка, которой и откромсал всё днище бочки.

И сразу заскучал. Жесть была толстой. Миллиметра полтора-два.

Не имея специального инструмента, из такой пластины ни кастрюли, ни ведёрка не сделаешь. Да и о работе жестянщика Сашка имел лишь теоретическое представление. Никогда не видел, как делают даже самую простую вещь – печурку для балка.

Работу всё же довёл до конца. На камне загнул заусенцы на крышке и бочке и затупил их куском базальта, чтобы случайно не пораниться, а бочку очистил песком от ржавчины изнутри и вымыл её в морской воде.

И всё это время скрипел зубами от боли в желудке – хоть криком кричи.

6. Уныние

Между тем подошла пора устраиваться на ночь. Полярный день ещё не кончился, но солнце уже надолго исчезало в закатном дыму. Сегодняшний туманный вечер был особенно мрачным.

Сашка выгреб угли из костра на месте предыдущей ночёвки и накидал туда влажного мха, чтоб быстрее остыло и бокам было мягче, а из углей раздул ещё один костёр метрах в пяти от «спального места». Муки голода не ослабевали, но хуже было сознание полной безнадёги: без оружия еды не добыть, скоро так ослабнет, что и бургомистров прогнать не сможет, расклюют ещё живого.

Опять стрелял по уткам, и опять промахнулся.

И прижался спиной к валуну и заплакал.

И расплакался горько, как в детстве.

И смахивал слёзы, но они текли.

И пусть. Некого стесняться.

Наверное, от слёз и стало море солёным, от горя всякой твари живой.

Вернулся от ручья, вконец обессиленный, постелил себе доски, накидал на них высохший мох и лёг, глотая слюну.

Спал плохо, часто просыпался, ходил подновлять ноги, да сторожко осматривал ближние торосы.

С «босыми» у охотника сложился вооружённый нейтра-

литет. Чаще всего медведи убегали сами, едва завидев человека или услышав лай собаки. Сашка не убегал. Не убежишь. Зимой и летом носил он с собой кроме карабина ракетницу или фальшфейер⁴.

Лишь однажды медведь побежал прямо на него и не остановился на выстрел из ракетницы, хотя горящий комок заряда закрутился в снегу рядом с ним.

Сашка припал на колено и с расстояния в десять метров выстрелил ему в голову. И промахнулся. Свинцовый кончик тяжёлой пули оставил синюю черту между коротких ушей.

Медведь стал тормозить, вытянув вперёд лапы и припав на зад.

Вторая пуля попала ему в горло.

Когда успокоилось дыхание, охотник медленно подошёл. Это был небольшой, чуть крупнее пестуна, самец. Наверное, трёхгодовалый. И очень худой: кожа и кости. Жёлтые глаза его уже остыли, но крупные квадратные лапы всё ещё бежали, чёрные когти, длиной с мужской палец, всё ещё скребли лёд.

А его скребла совесть. Зря убил. Струсил. Мишка уже понял свою оплошность и стал отворачивать. В нападении не зверь был виноват – человек.

Он только что добыл нерпу, освежевал её, снял шкуру, сложил её конвертиком и спрятал в рюкзак, а печень, самую вкуснятину, понёс домой на палочке, не хотелось рюк-

---

⁴ Фальшфейер – небольшой сигнальный факел, горящий даже под водой.

зак пачкать.

Этот запах и учуял голодный мишка.

Только сейчас, страдая от болей в желудке, Сашка понял и того, обезумевшего от голода, медведя.

7. Странный сон и чайка

И приснился охотнику странный сон: будто он дома, в семье, и будто они с младшим братом занимаются непонятным делом: кладут на стакан лист бумаги и вдавливают его внутрь стакана баночкой из-под клея.

Бумага сминается, они вынимаем её за ребристые края и ставят рядом со стаканом. Получается странный такой ребристый сосуд бумажный. И они делают много таких сосудов, и младший брат всё время вопросительно смотрит на старшего.

В сильном возбуждении Сашка проснулся. Стало ясно, как сделать кастрюлю из куска толстой, плохо гнущейся жести!

Тут же раскочегарил посильнее нодью и бросил на неё доньшко от бочки. Жесть надо нагреть докрасна, а потом дать медленно остыть, «отпустить», как говорят кузнецы.

Отпущенная жесть – мягкая и хорошо гнётся!

Пока крышка нагревалась, парень выбрал досочкой в песке небольшую ямку и подыскал обломок бревна для трамбовки.

Когда доньшко остыло, он уложил его поверх ямки и стал бить сверху трамбовкой, пока жесть не вмялась в песок.

Так он стал обладателем «корзины для бумаг» – кастрюлей! А ещё говорят, что нет вещей снов!

Ещё бы чего в эту кастрюлю положить!

Вполне довольный собой, улёгся на тёплые доски и засыпал ноги тёплым мохом – кр-р-расота!

Но заснуть не успел.

Из тумана возник бургомистр. Вразвалочку подошёл поближе и стал охотника рассматривать.

– Что, опять крови хочется? – Сашка кинул в птицу обгорелой палочкой. Но чайка лишь пригнулась, как боксёр на ринге, она не сочла нужным улететь.

Лук под рукой. До разбойника метра три-четыре. Стрела с гвоздиком вместо наконечника.

Чайку откинуло в сторону вверх лапами.

Ага!

Гарт вскочил, но бургомистр со стрелой в боку уже улётывал к морю. Сейчас переберётся через барьер и уплывёт!

Догнал у самых льдин и свернул птице шею.

Весу в ней было килограмма два.

Но странно: голод, мучивший парня без малого трое суток, вдруг пропал. Лишь одышка непонятная появилась, пока догонял добычу. Да и не едят чаек, не слышал никогда.

И никакой радости, что наконец-то есть еда, почему-то не было.

Сашка попытался ощипать птицу, как гуся или утку, но перо оказалось очень крепким, аж пальцы заболели.

Вспомнилось, что его сосед, Полукарпыч, летом обувается в «чуни» из шкуры гагары. И по дому в них ходит, и за

водой на речку. Влаги эти самодельные калоши не пропускают, нога всегда сухая.

«Чайки, – те же гагары. Тоже всё время на воде или в воздухе. Должна и у них крепкая кожа быть, перо и пух непромокаемые».

Он отвязал нож с древка, снял шкуру с чайки, как с песка, чулком, и затолкал её под мох, на мерзлоту.

«Ещё одну чайку добуду, шкуры выделаю – вот тебе и носки готовые!»

Любопытствуя, почему эта птица такая тощая, вскрыл её желудок.

Остатки рыбы и тёмный комок с радужными разводами.

Осторожно вынул комок палочкой и расправил его на камне – промасленная тряпка. Кусок ветоши, каким механики моторы обтирают!

Ну и ну! От жадности проглотил или на «масло» позарился?

Мясо у птицы было только на грудине. Отделил его ножом. Получилось два куска граммов по триста. Остатки тушки тоже собрался под мох положить, как вдруг рядом тявкнул песец. Наверное, тот самый, что подбирал на берегу моря дохлых рыбок.

– Держи, земляк! Пируем сегодня. Голодовка кончилась! – и бросил «земляку» бранные останки бургомистра.

Песец тявкнул:

– Вау! (Спасибо!) – Осторожно подобрал подачку, отбежал за ближнюю кочку и приступил к трапезе.

А Сашка поджарил кусок мяса на палочке и съел, макая это своеобразное жаркое в морскую воду. Мясо было жёстким и пахло рыбой, но всё же это была еда.

8. Белуха, сайка и «босой»

Сытого охотника стало в сон клонить. «Пожрали, – теперь можно и поспать!» – жаба-сын из мультфильма «Дюймовочка» знал, что говорил.

Но перед сном Сашка всё же твёрдо (уж-ж-жасно-преуж-ж-жасно твёрдо) решил отныне жить по велению разума, поэтому обошёл костры, подбросил толстых дров, опять крепко-накрепко привязал нож к древку из лиственничной палки и положил это «копье» под левую руку. Левша.

И приснилось ему, будто он на тренировке у штангистов.

И парни они крепкие, ноги толстые, морды красные.

И стали приседать с грузом и пыхтят, и пыхтят.

И так уж пыхтят, что охотник проснулся.

А пыхтение всё сильнее и сильнее.

Гарт вскочил и глянул на море.

Туман отошёл к берегам.

Из синей воды то и дело показывались длинные белые скобки, тут же исчезали и появлялись вновь. Над морем стоял лёгкий дымок, с пыхтением вылетающий из этих скобок. Чайки то и дело выхватывали из синевы блестящих рыбок, на льду подпрыгивал и тьякал песок.

Белуха!

Белуха идёт!

Белуха сайку гоняет!

Гарт во всю прыть кинулся к морю с «кастриулей» в руке.

Белухи – это матово-белые, весом до двух тонн киты. Питаются они в основном рыбой-сайкой, косяки которой загоняют в бухты. Во время охоты белухи даже не поднимают голов над водой. Только колесо спины увидишь, фонтан пара из дыхала разглядишь и тяжёлый вздох услышишь.

Сайка – это небольшая, длиной с мужскую ладонь, рыбка, родня трески. Спинка у неё чёрная, брюшко белое, а жабры красные. Голова большая, в треть туловища, рот огромный. Тоже небось хапает рачков только так!

Спасаясь от китов, сайка жмётся на мелководе и со страху даже на камни выпрыгивает. Тут её и ловят люди, чайки, песцы и все, кому не лень.

Решив стать рыбаком, Гарт первым делом разделся догола (после рыбалки всё сухое надеть) и перебрался через барьер. Между льдом и водой отлив обнажил узкую полосу песка, на которой лежали мятые медузы, длинные ленты морской капусты, какие-то дохлые «ракоскорпионы» и всякая мелочь пузатая.

А в море жировали кроме белухи многочисленные нерпы, моржи и лахтаки. Это такие усаые тюлени побольше нерпы, но поменьше моржа. Их ещё морскими зайцами называют.

Сашка забрёл выше коленей в воду возле большого камня, где кипела вода. Слой рыбок там шёл плотной массой. Он завязал снизу штанины на брюках и гостеприимно подставил косяку штаны.

Через пару минут вывалил добычу в кастрюлю. С горкой!
Счастье какое!

Тут же откусил от нескольких рыбок головы и съёл тушки сырыми. Непорядок с этим рыбным народом: в «рассоле» живёт, а пресный! Запил рассолом.

Вторую и третью порцию рыбы он просто вывалил в ямку: потом подберёт.

И вдруг – как в плечо толкнули.

Оглянулся.

В воде у самого берега, брёл «босой». То и дело останавливался и взмахивал лапой. Целый дождь стеклянно-сверкающих рыбок взлетал вверх. Умка не спеша подбирал их с песка и опять заходил в воду. Брюхо его раздулось, как бочка.

Сашка дал задний ход.

Мишка не чуял человека: ветер дул с его стороны, а видят медведи плохо.

Гарт затянул поясную верёвку на своих полных рыбацкого счастья штанах, боком-боком пробрался к барьеру и стал карабкаться по льдинам наверх. И они конечно же стали осыпаться и шуршать!

Когда в первый раз перелезал, хоть бы одна хрупнула. А теперь, как назло, стали катиться вниз!

Охотник был на гребне барьера, когда медведь поднял голову. Он заметил человека и стал нюхать воздух.

«Не унюхаешь, потапыч! Ветер в мою пользу!»

Сашка быстро спустился и быстро надел куртку. Если вдруг это медведица, неудобно как-то нагишом перед дамой.

Схватил свои полные штаны и поволок их домой. До первой ноды было метров сто.

И тут увидел, что «босой» поднялся на берег и бодрым маршевым шагом следует за ним.

Дыма он учуять не мог: ветер дул с моря на сушу.

Гарт развязал одну штанину и побежал. Задом-задом. Лицом к медведю, спиной к ноде. Полоса чёрно-белых рыбок покрыла красный мох.

«Кушай, миша, кушай, гостюшка дорогой, пока я огонь раскочегарю!»

Но медведь лишь слегка притормозил, видать, рыба ему надоела.

Сашка скинул куртку: «Пока обнюхивает, упею добежать!»

Но михайло размышлению предпочитал действие.

Он понял, что его дурят и перешёл на рысь.

Гарт бросил рыбу и перешёл на галоп.

На аллюр три креста, – фьюить!

С разгону сиганул через костёр, присел, развернулся и бросил в набегающего зверя пару горящих палок.

Они не долетели и должного действия не произвели. «Босой» лишь наклонил горбатую треугольную башку и стал осторожно головни обнюхивать.

Этот скот или никогда дыма не чуял, или из другой галак-

тики пожаловал!

Медведь стал обходить костёр кругом, попал наконец в струю горячего дыма и отшатнулся.

Сашка вынул из костра головню подлиннее и облил её соляжкой.

Палка ярко вспыхнула, он заорал и сунул огонь прямо на халу в морду.

Мишка отбежал в сторону и медленно, нехотя, пошёл прочь. Дойдя до штанов с рыбой, распорол их одним ударом и стал Сашкину добычу пожирать.

Вот злодей!

У парня в глазах потемнело.

Он вновь с криком атаковал грабителя огнём.

Когда «босой» побежал, бросил в него самодельное копьё.

И попал!

Потапыч извернулся, зубами вырвал копьё из ляжки, бросился удирать вдоль берега и вскоре скрылся из глаз.

«Во как я его! Бежит, аж шуба заворачивается!»

Подобрав копьё, вытирать его не стал.

«Отныне я – уж-ж-жасно хр-р-рабрый и чр-р-резвычайно могучий охотник по прозвищу Меткое Копьё, и пусть кровь врага напоминает о победе!»

Выбрав валун повыше, Меткое Копьё влез на него и осмотрелся.

Но никаких «босых» в пределах видимости не было.

Нервная лихорадка требовала выхода.

Сбрасывая возбуждение, бодро нарезал у костра штук пять кругов почёта и, потрясая окровавленным копьём, исполнил дикий танец Храброго Охотника.

Пора было одеваться.

Но идти на берег как-то не хотелось. А вдруг ещё один «босой» за камнем прячется?

Потоптался, потоптался у огня и решил, что среди храбрых охотников наверняка попадаются и осторожные, которые днём с огнём ходят.

И сделал себе факел из бересты.

Облачившись, немного прогулялся по пляжу, пособирал морской капусты.

И нашёл оба весла! Они, целёхонькие, лежали недалеко от того места, где потерпевший кораблекрушение выбрался на берег. Жаль, топоры плохо плавают. А как бы сейчас пригодился!

Этим же вечером, заготавливая дрова для костра, Гарт неожиданно открыл убежище своего знакомого, папы-варакушки.

Под широкой доской среди древесной мелочи и трухи обнаружилось сплетённое из травинок уютное гнёздышко.

Четверо оперившихся птенчиков было в птичьем домике. Двое ещё открывали жёлтые ротки и призывно пищали, а двое поникли головками, наверное, уже погибли...

Взрослые птицы отлетели в сторону. Невзрачная самочка нахохлилась и превратилась в рыжевато-серый шарик, самец

же пропел печально: твить-тюрю-тюрю! – и уставился на человека чёрными дробинками глаз.

«Накорми малых сих», – опять услышал голос.

– Ай, соседушки мои! Голодаете, махонькие? У меня рыбы-во! Я – щас!

Вспомнилась учительница биологии: «взрослые птицы могут некоторое время обходиться без еды, но птенцам даже малейшая голодовка противопоказана: она приводит к необратимым изменениям в организме и к смерти малыша».

У костра Гарт распластал ножом несколько рыбок и вырезал из их спинок с десятков длинных «червей».

Быстро вернулся ко гнезду и положил по два «червяка» в открывшиеся ему навстречу жёлтые зевы. Два птенчика проглотили еду, двое были уже мертвы, и Гарт осторожно удалил трупики из гнезда.

Несколько «толстых жирных червяков» оставил на досочке у самого гнезда, вернулся к огню и стал наблюдать за поведением взрослых птиц.

Они сначала с недоверием попрыгали рядом с угощением. Затем папа-варакушка решился и проглотил одного «червяка». Удовлетворённо пискнул, и сразу же к нему подлетела самочка и тоже съела полоску рыбы.

Будем жить, земляки!

9. Серезет

Весь оставшийся день Гарт потратил на перетаскивание рыбы, изготовление иголки из куска алюминиевой проволоки, зашивание штанов и стирку. Штаны изнутри покрылись рыбной слизью, а куртку медведь пожаткал и оторвал карман.

Куртка у Гарта была что надо! У знакомого прапорщика он выменял офицерскую шинель на два «хвоста» – две невыделанные песцовые шкурки. Одна милая вдовушка, умница и рукодельница, эту шинель обрезала, подшила, пристрочила к ней накладные карманы и просторный капюшон.

Гарт стал захаживать к этой милой даме в гости, и у них сложились хорошие отношения. Она работала в бухгалтерии рыбозавода. Звали её Серезет Азретовна, для Гарта она стала Серёжей. Когда пришла пора улетать на зимовку и Гарт стал укладывать рюкзак, Серёжа спросила:

– Опять, что ли, без напарника, один-одинёшенек?

– Ты же знаешь, у нас многие так живут.

– Не так чтоб и многие. И опытные.

– И я пятый год.

– В тундре второй.

– Второй не первый.

Она вздохнула тяжело:

– Не выпадай из руки Господней, и пусть не сжимает Он

ладонь свою слишком сильно! Осторожней там. Мой вот так же уехал – и всё. Искали-искали, весной вытаял в торосах...

– Ну, что ты меня живого хоронишь. Нельзя же так в дорогу!

– Не сердись. Тяжело мне. Как заново... – И она глянула на Сашку чёрными кавказскими глазами.

Отцом Сережет был «горный орёл», из ссыльных балкарецов. Он и настоял на этом имени. Гарт как то спросил Серёжу об отце. Но она лишь отмахнулась:

– Уехал, когда разрешили кавказцам домой. Плохо помню его. Здесь родилась, здесь выросла. После школы съездила к нему. Две недели не выдержала. Другое там всё: и обычаи, и природа, и люди. Не моё. Вернулась...

На зимовке парень часто вспоминал Сережет. Куртка сидела как влитая, а связанная её руками шапочка из козьей шерсти была удобной и тёплой.

А сейчас, вспоминая утонувшую лодку, три дня голодовки и стремительный драп от «босого», Сашка подумал: «А не слишком ли ты сжимаешь ладонь свою, Господи?»

Громко прочитал Отче наш и успокоился.

Есть великая, укрепляющая дух сила «в звучаньи слов живых».

Гарт часто обращался к Господу словами этой молитвы.

И странно: в переводе на современный русский или современный немецкий язык она хоть и звучит высоко и торже-

ственно, но не имеет того волшебства, того переполняющего душу восторга, как если её читаешь вслух на церковно-славянском или на старонемецком языке.

Что-то теряется в переводе на современные наши бего-разговорные языки. Но что? Смысл ведь, главное ведь, квинтэссенция ведь остаётся.

Наверное, всё дело в речитативе. Очевидно, правильное проговаривание слогов тоже имеет значение в формировании звуковой волны, настраивающей наше сознание на восприятие высокого, небесного, вечного.

Рядом с «домашним камнем» мох с тундры был уже вчистую ободран и вытопан. Там обнаружилось глинистое место. Сашка заострил дощечку и выкопал в глине яму до мерзлоты. Насыпал туда рыбу, залил морской водой, – вроде как рассол, – и уложил сверху листья морской капусты, резерв питания.

Вечером изготовил себе деревянную тарелку и ложку, сварил в самодельной кастрюле фирменное блюдо «сайка-чайка», в которое вместо соли добавил морской воды, и со вкусом поужинал. «Hunger ist der beste Koch!» (Голод – лучший повар).

10. Дальняя прогулка

Утром «кораблекрушенец» сделал куском обсидиана четыре царапины на домашнем камне.

Четыре дня.

Живой, здоровый.

А кашель сам пройдёт.

Позавтракал остатками ужина, связал из жердей две треноги, уложил на них поперечину, стал доставать из ямы рыбу и развешивать её, чтоб завялилась.

Для этого он наделал много крючочков из найденной алюминиевой проволоки. Рыбку протыкал крючком через глаза и подвешивал к поперечине.

Через день подсохнет, заветрится, и можно есть, как семечки.

Так развешивал, пока не надоело, штук двести нанизал.

Сходил на берег и оставил у гнезда варакушек с десятков рыбок.

Решив отложить охоту на уток, Сашка стал стаскивать к кострам любой подходящий для строительства избушки-временки кусок дерева: доску, рейку, ящик, бревно, горбыль.

Предпочитал, конечно, доски. Они попадались не часто. Много досок и обломков досок он бездумно истопил за эти дни, и теперь приходилось всё тащить издалека.

В одном месте обнаружил пять средней толщины брёвен в шесть шагов длиной и переволок их по воде к месту своей «высадки» на берег. Растает лёд, – сколотить плотик, искать карабин.

В другом месте нашёл старую-престарую замасленную телогрейку, дырявые валенки, кирзовый сапог, несколько ящиков из-под водки, поломанную раскладушку и мотоциклетную шину. Очевидно, этот мусор когда-то был выброшен на лёд, а течением льдину прибило к острову. Другая льдина вытолкнула первую на берег, а затем лёд растаял.

Всё это богатство Сашка перетащил к себе: авось пригодится.

Поднимая кусок доски, неожиданно обнаружил под ней большого лемминга. Толстый до безобразия, лежал он на боку в уютном тёплом гнёздышке из мха и шерсти и не сделал попытки убежать, а лишь болезненно пискнул и закрыл лапками глаза.

Как человек испуганный!

Решил, наверное, что уж-ж-жасное чудовище его съест.

Толстый живот этой красноватой мыши жил отдельной жизнью: там что-то билось, толкалось и явно просилось наружу.

Гарт сообразил, что это «Мадам Лемнинг». И такая она толстая, потому что рожать собралась. Может, вот сейчас, в эти минуты и родит. И человеку, существу из другого мира, тут делать нечего.

Извинившись, он аккуратно положил доску на место и присыпал древесной трухой и мхом, как и было.

Постепенно промысловик уходил всё дальше от берега. Разжѐг догорающим факелом ещё один костѐр и продолжил свой путь уже без огня в руках.

Через каждые двести-триста метров попадались ручьи. В устьях ручьѐв кружились маленькие кулички-плавунчики или утки-морянки, несколько раз по-над берегом пролетели краквы, чайки-моѐвки гомонили над водой.

Обувь оставляла желать лучшего. Пока он двигался по песчаной береговой полосе, проблем не было, но стоило отвернуть в тундру, которая летом болото, как деревянные подошвы пропитались водой, рукавные носки намокли и холод сжал подошвы ног. Вскоре Сашка перестал чувствовать ступни, они стали как деревянные.

В походе сделал важное открытие: на острове есть или недавно были олени и волки.

Об этом говорили остатки волчьей трапезы в низине, на берегу ручья.

Чисто обработанные песцами и чайками белые кости крупного быка ещё держались на сухожилиях, не успевшие превратиться в рога мягкие панты были обгрызены почти до самой головы, – от силы с неделю лежит здесь этот остов.

Песец-щенок (наверное, давний знакомый) в чёрно-бурой детской шубке с увлечением грыз копыто и, облизываясь, отскочил в сторону, когда человек приблизился, щенку всё ещё

хватало еды на остатках волчьей трапезы.

Гарт пошёл по этому ручью вверх. Он тёк с горки, на вершине которой стояла триангуляционная вышка.

Подле треноги – едва различимые следы гусениц вездехода, значит, весной по большому снегу работали здесь геодезисты – небольшая бухта ржавой железной проволоки, одна бутылка из-под водки, другая из-под шампанского (неплохо жили мужики!), изъеденные ржавчиной пустые консервные банки и с десятков больших гвоздей-двухсоток.

С вышки хорошо просматривался весь остров. Гарт вспомнил карту. Размерами остров был примерно десять на шесть километров и имел форму сапога с широким голенищем на северной стороне и шпорой на южной оконечности. От «голенища» отходила низкая широкая отмель, напоминающая собой размотавшуюся портянку. «Шпора» представляла собой скалистый островок, соединённый с основным массивом тонкой перемычкой. Рассматривая этот остров на карте, понимаешь, почему первооткрыватели назвали его «Ботфорт».

Ботфорт и есть.

Базовая Сашкина изба печальным кубиком виднелась на соседнем острове. Всего-то десять километров. Неужели не удастся подтащить к берегу и поднять лодку и придётся куковать на этом «сапоге» до ледостава?

«Таймыр, пёс мой верный! Как ты там? С голоду пухнешь или леммингов ловишь?»

На юго-западной стороне Ботфорта Сашка заметил три рыжих пятна, очевидно, бочки, и решил перекатить их к дому.

Перевёл свой взгляд на «шпору», и сердце так и забилося: олени!

Табунок голов на десять – двенадцать. Чёрными пятнами выделялись их тела на буро-зелёной тундре. Двое или трое лежали, остальные мирно паслись. Значит, волки далеко, иначе олешки не пошли бы в узкое место, где их можно передушить за пару минут.

Надо будет поменьше топить. До стада километров пять-шесть, и ветер сейчас не в их сторону, но если почуют дым – уйдут. Переплывут пролив, исчезнут на материке.

Сашка прихватил с собой найденное богатство: проволоку, гвозди, бутылки, и в прекрасном настроении поскакал с горки вниз.

11. Морж

И стал почему-то напевать песенку из Маяковского:

Дней бык пег,
Медленна лет арба.
Наш бог бег,
Сердце наш барабан.

Бодрый ритм этих строк хорошо подходил и к ритму прыжков с камня на камень, и к состоянию души: на острове дикие олени. А как добыть – придумает!

И так прилипла к нему дурацкая эта песенка, что не мог отвязаться.

Пробовал и на «Славное море священный Байкал» помянуть, и на «Раскинулось море широко» и на «Ах, мой милый Августин» и даже на знаменитую марктовскую «Режьте, братцы, режьте...» – нич-ч-чё не помогают!

Только утвердишь в мозгах другой ритм, только настроишься на другую волну, как споткнёшься, шагнёшь не в такт, и опять выплывает:

Дней пег бык,
Медленна арба лет...

А вот здесь стоп, дружок!

Медленно просмаковал вторую строчку, о которую зацепилось сознание: «Медленна арба лет... медленный арба лет... Медленный чего?

Арбалет!

Вот оно что!

Вместо лука – арбалет!

И уток набью, и оленя добуду!»

От радости Гарт аж подпрыгнул на месте, и оказалось, что уже дошел до первой из замеченных сверху бочек, и это совсем не бочка.

Это был морж клыкатый!

Большой, усатый.

Мёртвый.

На голове его зияли глубокие, заполненные засохшей кровью царапины, очевидно, от медвежьих зубов и когтей, низко опущенная голова с небольшими острыми клыками покоилась на камне, передние лапы были подогнуты под тулово и ещё хранили в себе движение.

Животное это издохло внезапно, за секунду до того, как уйти в море.

Но следов борьбы двух гигантов Арктики видно не было.

Очевидно, медведь подкараулил моржа на материковом лежбище, но тому удалось вырваться и доплыть до острова, где он и погиб от ран.

Произошло это ещё до шторма: перед моржом лежал такой же ледяной вал, как и перед биваком.

Значит, мясо есть нельзя – трупный яд. Но шкура пригодится на крышу для избушки.

Гарт сделал обычные надрезы и стал снимать шкуру. И тут обратил внимание, что пенис у моржа действительно почти весь костяной и поговорка «хрен моржовый» не лишена твёрдого основания.

Шкура у этого ластоногого толстая, грубая, многослойная, нож быстро тупится, приходилось без конца шоркать его о камень, а тушу Гарт ворочал вагой: морж был длиной в три шага и весил, наверное, полтонны.

Долго Сашка с этим делом промучился, аж взмок.

Хотел отрезать голову, уж больно красивые клыки, но не смог найти хряща между позвонками и чуть нож не сломал. Эх... Топор нужен!

Напоследок решил вспороть трупу брюхо, чтобы вытащить печень. Любой печенью можно выделывать шкуры, но лучше всего – моржовой.

Очень надо было выделать шкурку бургомистра.

Но едва проткнул туше живот, как тут же, зажав нос, и убежал: нестерпимая вонь, чуть не вырвало.

Шкура ластоногого оказалась такой тяжёлой, что Сашка мог её только волочить. На подходе к биваку уже и сам едва ноги волочил.

Из ямы у домашнего камня неожиданно выскочил пе-

сец-щенок, с рыбкой в зубах конечно же тот самый!

Отбежал в сторону и стал тявкать.

– Вот с-собака! Обворовал, да ещё и лаешь!

Охотник громко хлопнул в ладоши и прогнал нахала.

Яма была пуста. Штук тридцать рыбок, которые там ещё оставались и из которых Гарт собирался сварить уху, этот ловкий ворышка сожрал. И дыма не побоялся.

Ладно. Зато рыбки на перекладине хорошо подсохли на ветру. Ими Гарт и пообедал. Закусил морской капустой и запил водой. Жить можно.

Затем оттащил шкуру, на которой остались прирезки мяса и сала, в сторонку, уложил её мездрой кверху и оставил чайкам.

Мездрить вручную – руки отпадут. А чайки весь оставшийся на шкуре жир и прирезки мяса начисто выклюют и зачищать не надо.

12. Арбалет

Идея сделать арбалет для охоты так Сашку захватила, что ни о чём другом он и думать не мог.

Арбалет – оружие сложнее лука, но зато и не в пример точнее.

Опыт постройки арбалета у него имелся. В подростковом возрасте деревенские мальчишки делали арбалеты с самым настоящим стальным луком, в качестве которого служил зуб от конских граблей. Он изогнут дугой, отлично пружинит и бросает стрелу до ста метров, смотря как тетиву натянешь. Подростки целые соревнования устраивали и даже на спор воробьёв с веток сшибали.

За время своего «сидения на Ботфорте» Сашка изготовил несколько арбалетов, и каждый был лучше предыдущего.

Наконечники для стрел он вырубил из краёв кастрюли в форме буквы «U», а в месте сгиба оставил шипы и насадил наконечники на небольшие палочки толщиной в мизинец. Такие двуглавые стрелы для охоты на птицу Сашка видел в краеведческом музее в Дудинке.

Этим же вечером наимпримитивнейшим из всех арбалетов, в котором спусковой крючок был просто прибит гвоздиком сбоку к ложу, он добыл ещё одну чайку, а во втором ружье, после пары промахов, подстрелил и пару уток-морянок. Арбалет бил сильно: при удачном выстреле птице отрывало

голову.

Все три птичьи печёнки, как ни хотелось их съесть, Гарт запихнул под мох рядом с первой – бургомистровы шкурки выделывать. Обеспечить себе сухие ноги стало первоочередной задачей. Кашель усилился. Охотник чувствовал себя не очень хорошо, но всё же выстрогал ещё пять деревянных наконечников: три кругло-конусных с небольшой разницей в диаметре, и два плоских с широким острым листом. Подровнял, отшлифовал наконечники камешком и сделал с них в глине отпечатки. Когда высохнет глина, залить полости расплавленным алюминием, и получатся относительно тяжёлые «настоящие» наконечники для охоты на оленей и тюленей.

Мясо с грудок всех трёх птиц Гарт срезал, обмакнул в морскую воду и положил под мох, в «голодильник», а все четыре птичьих тушки сварил в кастрюле. Получился густой, жирный шулом, который он с непривычки к специфическому запаху, даже не смог одолеть и оставил половину на завтрак.

13. «Утро туманное, утро седое...»

Проснулся Сашка раным-рано от кашля, встал и подновил костры.

Чайки облепили шкуру моржа, как тараканы кусок хлеба.

Рука сжала арбалет, но тут же и разжалась.

Стрелять не хотелось, не моглось.

Не утро, а радость Божия!

Милое солнышко расплылось в уютную подушку.

На подушке лежало рыжее облако.

Однолетние льдины стали розовыми.

Угловатые айсберги стали сине-розовыми.

Угрюмые скалы стали чёрно-розовыми.

Триангуляционная вышка стала светло-розовой.

Брёвна, доски, песок и глина стали густо-розовыми.

Дальняя двуглавая Дева-гора, днём незаметная из-за вечных туманов, тоже скинула одеяло и выгнула к небу упругие вершины, покрытые розовым шёлком.

На море тихо.

На камне морж.

На скалах чайки.

Пёрышко на воде, как на зеркале.

Разве бывает ураган?

Разве бывает несчастье?

Р-р-разве б-бывает б-бешеный пр-р-рибой, р-р-разби-

вающий скалы, др-р-робящий камни и пер-р-ретирующий щ-щебень в пес-сок?

Нет, не бывает!

«Есть дни, полные свирепого ветра, непроглядного тумана, жестокой обиды и горьких слёз. Но все они затмятся одним днём. Вот таким, как сейчас. Волшебным Днём Красоты. Из которого ты будешь черпать силы всю жизнь».

Насмотревшись-налюбовавшись, Гарт выискал среди плавника крепкую жердь, снял штаны и стал расталкивать в стороны льдины в месте своей «высадки» в надежде найти карабин.

Подтаявшие льдины легко крошились и рассыпались на длинные прозрачные иглы. За полчаса он пробил себе дорогу к морю и стал месить ногами ил, надеясь таким образом нащупать свое оружие.

Не нашёл, но зато под конец своих стараний, когда ноги заоченели и стало невмоготу, заметил под краешком льдины что-то серое, вроде как кончик тряпки.

И поднял из грязи свою рыбацкую шапочку, связанную руками Сережет!

«Вот спасибо-спасибище, Боженька мой!

Вот спаси-и-ибо тебе, Серёженька моя!

Вот спасибо тебе, внутренний голос!

Больше я эту шапочку не потеряю!

Ни за что, никогда не потеряю!

Гвоздиком к бестолковке прибью!

Нет, гвоздик гладкий, вдруг выскочит.

Длинным толстым шурупом прикручу!

Ай, спасибо-спасибище всем, всем, всем!»

Шапочку Сашка постирал в мягкой воде ручья, повесил сушиться на перекладину треноги и поставил на огонь шу-люм: пора завтракать.

Доел остатки вчерашнего ужина, и остался на доньшке кастрюли самый цимес: жирок и гуща.

Достать его своей неловкой деревянной ложкой он не мог, а пить через край не захотел. Хорошо бы сейчас иметь кусочек хлеба! Корочкой жирок собрать, мякишем вымакать, горячим чаем запить. Эх, как не ценим мы иногда простых радостей жизни!

Позавтракав, отправился за оставшимися двумя бочками. Следует так же вырубить из них доньшки и сделать себе ведро и миску.

Возле туши моржа было столпотворение. Там хлопотали бургомистры, чайки-моёвки, маленькие бесстрашные крачки, поморники, чёрные вороны и песцы. Вот счастье привалило тундровому народу! Не надо трудиться, жёсткую шкуру разгрызать-расклёвывать. Но ведь какие бессовестные: никто и спасибо не сказал!

Одно рыжее пятно оказалось бочкой, а второе... вторым была мина!

Ржавый железный шар около метра в поперечнике, с от-

верстием в центре.

Гарту уже попадались такие болячки во время странствий по островам архипелага, поэтому он и подходить не стал: никто не знает, что на уме у этой ржавой железяки, снаряжённой для убийства.

Бочку он катил, пока не надоело, затем понёс на плечах.

У домашнего камня с грохотом сбросил её на землю, и тут из кастрюли выскочил и ударился в бега песец-щенок в куцем своём летнем наряде.

Вот прохиндей! Хозяин жирок не вымакал, так он вылизал!

Чертыхаясь про себя, Гарт отнёс кастрюлю на берег, тщательно её вымыл и с песочком выдраил.

14. День рождения

Чтобы выделать шкурки бургомистров, Сашка положил все четыре печёнки в деревянную тарелку, взял одну утиную шкурку, тоже снятую чулком, и завязал у неё горлышко.

Получился небольшой мешочек.

Откусывая кусок за куском от птичьей печени, он стал её тщательно пережёвывать и выплёвывать жеванину в мешочек.

Так он жевал и плевал, пока не сжевал все четыре печени. Эта каша под действием ферментов слюны начинает бродить. Тогда следует намазать ею подлежащие выделке шкурки и оставить в тёплом месте до почти полного высыхания, а потом размять. Такой способ хорош, когда никакой кислоты нет под руками.

Чтобы не так скучно было жевать, Гарт уселся на берегу любоваться пейзажем.

Жуёт, обзеревает. И заметил, между прочим, что много нерпы проплывает у берегов. Жаль, нерпа, убитая летом, сразу тонет. Если глубоко – не достать со дна. Срочно нужно плавсредство. Глубину проверить, лодку и карабин достать, а может, и сапоги найдутся.

Закончив жвачное дело, натянул шкурки на дощечки, мездрой кверху, намазал мездру бурой нажёванной кашцей и поставил болванки сушиться недалеко от костра.

Время от времени подходил разминать и вытягивать кожу. Главное – не давать ей пересушиться, а то потрескается, начнёт рваться и вся работа насмарку.

Сделал пятую царапину на камне и отчаянные свои деньки-денёчки посчитал. Шестого августа выехал на остров Ботфорт, рассчитывая пробыть на нём два-три дня. Значит, сегодня десятое.

Десятого августа – день рождения дочери!

«Здравствуй, доченька! Тебе сегодня семь лет. Поздравляю!»

Из маленького беспомощного существа к двум годам выросла симпатичная, кареглазая девчоночка со своим характером и своими склонностями.

Только научившись говорить первые слова, ты уже любила напоминать о себе: брала меня за руку и вскидывала кверху милое пухлое личико:

– Это ля!

В три года научилась вертеться перед зеркалом. Вытащишь из шифоньера мамины наряды, «оденешься» и спрашиваешь:

– Папа, ля кафиваля?

– Красивая, красивая. Ты самая красивая девочка в мире!

Скоро научилась ты и песенки петь. Перевирала и переделывала на свой детский язык слова, но не мелодию.

– Мы ат души, Минхаузин, тибя погладарим!

Или:

– Ля игалю на галмоське у похозих на еду.

– Доченька! Надо говорить: «у прохожих на виду!»

Но доченька упрямо повторяет:

– У похозих на еду.

К созаленью,

День ложденью

Только лаз в году!

«Эх, доченька, попадись мне сейчас хоть кто-нибудь похожий на еду, – как бы я ему камнем засветил!

Дай Боже тебе, доченька, здоровья, разума и хороших учителей!»

День рождения выдался замечательный. К обеду вдруг комары загудели: это значит, плюс восемь или больше.

Сашка надёргал из мостика гвоздей и скоб, перетащил поближе к воде найденные ранее брёвна и сколотил плот. Верх этого плавсредства он расшил досками, а каждое бревно притянул к соседнему скобой. Получился плотик шириной чуть больше метра – маловато для устойчивости, но нетерпение его было слишком велико. Хотелось скорее осмотреть дно и найти лодку. Когда-то ещё будет такая «зеркальная» погода? Не придумав, как прикрепить вёсла к плоту, он сделал себе из доски двухлопастное весло.

И уже хватило ума (или горький опыт стал сказываться?)

привязать это весло к плоту.

Как он и предполагал, шельф вокруг острова полого уходил вниз, и лишь метрах в тридцати от берега начиналась чёрная непроглядная глубина.

Ни карабина, ни сапог он не заметил, но лодочку свою деревянную нашёл сразу.

Она лежала оверкиль на глубине около трёх метров. Нос её покоился на каменной плите, корма зарылась в ил. Сашка лег на плотик лицом вниз и стал утопленницу рассматривать: не помяло ли её льдом, не лежат ли рядом рюкзак, лопата и топор? Солнышко чётко высвечивало все досочки обшивки, все потёки смолы, все гвоздики на заплатках.

Лодка выглядела целой.

«Достану – в тот же день буду дома!»

Отлив стал тихонько относить плотик в море, но Сашка продолжал лежать и смотреть как замороженный. И увидел с левого, мористого борта, лодки петлю лямки рюкзака.

Ур-р-ря!

Вскочил с намерением исполнить танец Зоркого Глаза, но тут увидел, что весло плывёт уже метрах в двух от плота – не достать.

Нет – достать! Оно же привязано!

Достал, похвалил себя и погрёб к берегу.

Дальнейшее было делом техники: развёл у самой воды костёр и поставил рядом с ним деревянную миску с пресной водой, чтобы после «водолазных работ» промыть глаза. Ес-

ли открывать глаза в ледяной морской воде, то в них потом неприятная резь появляется.

Манильский канат распустил, а концы связал. Получилось метров тридцать тонкой крепкой верёвки, которой он притянул плот к скале у воды. Обвязал куском верёвки тяжёлый камень – получился якорь.

Себя привязал к плоту.

Заткнул уши мохом, подгрёб к лодке и опустил якорь.

Рюкзак, чуть подкопав ил, он достал без проблем. Вытолкнул его на плот и вылез сам. Отдышавшись, нырнул ещё пару раз, но так и не смог поставить лодку на киль.

«Хватит! Подумай о детях!» – опять услышал голос в сознании своём.

У костра парень долго стучал зубами и подпрыгивал, придерживая рукой причинное место и удивляясь устройству человеческого организма.

От ледяной воды кожа становится красной и минут на пять – десять такой жар разливается по телу, – хоть спички зажигай! Но важное для каждого мужчины место сжимается в комок и начинает так болеть, что глаза на лоб вылезают. А ведь тоже часть тела твоего. Что же оно-то не прогревается?

В аптечке, в которую сто лет не заглядывал, были рыболовные крючки и моток лески, катушка ниток с большой «цыганской» иглой, всякого рода пуговицы, ржавые ножнички, гильза от карабина, патрончик от мелкашки, древняя

медная монета и кусок грязной ваты.

Не хватало только дохлой крысы и одноглазого котёнка из книги Марка Твена о Томе Сойере. В самом низу всё же обнаружилось полпачки (пять таблеток) аспирина и столько же от поноса. Репутация тех и других была подмочена пребыванием в морской воде. Таблеток от кашля конечно же не было.

Уезжал ведь на три дня. И кашлять не собирался.

Ладно... Гарт разложил содержимое аптечки на камни сушиться.

Лепёшки и вяленое мясо в целлофановом пакете были целы, дно рюкзака волнующе оттягивали две банки сгущёнки, в одном кармашке прощупывалась плитка шоколада, в другом – фальшфейер. Но особенно грела душу походная двухсотграммовая фляжка с питьевым спиртом. Лишь спички совершенно размокли, но огонь ведь был.

«Эх! Как же крепко я буду спать этой ночью!»

Но сначала – праздновать!

День рождения дочери.

Вытащил из «голодильника» все три птичьих грудки, нарезал их мелкими кубиками, добавил нашинкованную полосками морскую капусту, сложил в кастрюлю и поставил на огонь.

Пока рагу «ассорти а ля Ботфорт» тушилось на медленном огне, добавил в соседний костёр крепких лиственничных дров. Они дают сильный жар, даже бутылка плавится. В

стальную крышку от аптечки он мелко наломал тонкой алюминиевой проволоки и поставил на самый жар.

Расплавленный алюминий залил в загодя сделанные в глине «наконечниковые» пустоты. Причём во все три конусные пустоты, в самое остриё будущего наконечника, вставил обрубки гвоздей. Получилось пять наконечников. Два простых и три «бронбойных», с гвоздями. Какие будут лучше, покажет время.

И ещё он сделал себе из бутылки стакан, для чего обмотал бутылку несколькими витками ниток от распотрошённой верёвочки, облил этот кружок соляркой и поджёг. Прокручивая бутылку в руке, подождал, пока верёвочка почти сгорит, и резко окунул бутылку в воду. Горлышко треснуло и отвалилось. Чтобы не порезаться, заовалил края стакана куском базальта и протёр его песком. Этому способу делать стаканы из бутылок Сашку научил отец, бывший трудармеец.

Вечером разложил на ящике у костра сушёное мясо и лепёшку, кусочек шоколада и сгущёнку, водрузил в центр стола фляжку со спиртом и украсил это изобилие букетом из красного лишайника, белого ягеля и зелёных листочков щавеля.

– Твоё здоровье, доченька!

15. Заболел

Первые ложки рагу «ассорти а ля сапог» показались очень вкусными, а потом аппетит сразу пропал.

И резко сменился отвращением к еде.

И сразу какая-то невыносимая тоска навалилась.

Накинул куртку, взял в руки факел и спустился к морю.

Великолепное, помидорного цвета, солнышко катилось по горизонту на высоте одной ладони от синей черты и никак не могло на эту черту опуститься.

Потому что ещё четыре дня.

Потому что 14 августа заканчивается на этой широте полярный день.

14-го солнышко впервые чиркнет краешком по горизонту, словно пробуя его на прочность, а уже 17-го уйдёт на весь диск.

На две недели разольются по тундре невыносимой языческой красоты рассветы-закаты. Затем наступит нормальное чередование дня и ночи, а 29 октября, солнышко впервые не покажется над горизонтом, чтобы воскреснуть седьмого февраля.

До начала полярной ночи осталось два с половиной месяца, а ведь ещё по многим островкам ловушки не налажены и дров на зиму мало заготовлено. Чтобы собирать и подтаскивать к зимовью дрова, нужна лодка, а она лежит на дне моря.

Придётся теперь запасной безмоторной лодочкой «мыльницей» пользоваться, вёслами махать.

И ещё какое-то нехорошее предчувствие, какое-то предвидение тяжкого горя вдруг ожило в душе. От него сжималось сердце и прерывалось дыхание, но понять его и назвать по имени он не мог.

Неожиданно большой чёрный ворон опустился на камень неподалёку, стал каркать и махать крыльями.

«Вот тебя ещё не хватало!» – Гарт крикнул и сделал вид, будто собирается камень бросить. Птица неспешно поднялась, сделала круг над ложем охотника и улетела, недовольно каркнув на прощание.

И отчего так тяжело, будто камнем придавило, из-под которого не выбраться? Как будто никогда больше солнышка не видеть и это вот солнышко – последнее в жизни. Отчего так болит душа?

С тяжёлой головой и тяжёлым сердцем забрался Гарт в спальный мешок и провалился в сон.

Но уже через пару часов проснулся от сильнейшего озноба.

На тёплых досках, в теплом спальнике, в свитере и шерстяных носках его всего колотило как тогда, в первый день босиком на снегу.

Это температура поднимается.

Вот влип, так влип. Теперь так просто не отделаться...

И вспомнился некстати «строительный» анекдот про ма-

стера и нерадивого студента.

«У меня жар. Всего трясёт!» – утверждает студент в надежде, что его отпустят в общагу.

«Трясёт, говоришь? А ну – марш решето трясти, песок сеять!»

Неожиданно Гарт закашлялся и кашлял сильно, до рвоты. Едва успел вскочить и отбежать в сторону.

Проглотил таблетку аспирина и обильно запил водой. Температура на время действия таблетки понизилась, затем опять полезла вверх. Он выпил ещё одну таблетку – и с тем же успехом: через пару часов озноб колотит – хоть к решету становись.

Эти колебания Сашку вымотали и решил: будь что будет, пусть эта вредная тётка поднимается, сколько ей надо, а там посмотрим.

Дул лёгкий южный ветер, в небе сияли загнутые крючками перистые облака. Пока эти львиные когти видны на небе, будет тепло и не будет сильного ветра. В самый раз пройтись по путикам, поправить земляные тумбы, проверить капканы и заменить испорченные колышки на целые.

Погода в самый раз. Только ноги не держат.

Льдины на берегу сокращались, как шагреновая кожа.

В середине августа наступило лето: в воздухе танцевали комары и гудели оводы. В тундре, среди камней, распустились крошечные синие камнеломки и жёлтые полярные маки, неожиданно появились, как будто выскочили из-под зем-

ли, фиолетовые шары мытника.

Всё раскрывалось навстречу долгожданному теплу. Всё спешило расцвести и дать семя. Тундра наконец задышала полной грудью.

«Будь же ты вовек благословенно, что пришло процвести и умереть».

– Цвить-цвить-тюрю! – Старый знакомый, ярко раскрашенный папа-варакушка, неожиданно появился на камне у изголовья и бодро пропел:

– Ци-ци-вить! Тёх-тёх, ви-и-вить-вить!

Тут же прилетела и неврачная жена варакушки, и двое тёмно-серых жёлторотых детишек пожаловали.

– Ах, соловушка ты мой! Сохранил семью! Выжили! Вот молодцы! Дать вам ещё рыбки?

Гарт надрезал одну полувысохшую рыбку вдоль спины, развернул её и осторожно подвинул к птицам. Но варакушки не стали клевать угощение. Очевидно, им в этот тёплый день хватало насекомых, червей и личинок.

– Так вы поблагодарить прилетели? Очень мило, очень мило, земляки. Весьма тронут. Прилетайте ещё. Поговорим.

Прощебетав ещё несколько песенок, варакушки улетели.

«Малышня такая выжила под снегом, а ведь им до дому добрых пять тысяч километров. Тебе же, вон, всего десять. Не вешай носа, – вперёд и вверх!»

Откашлявшись, а кашель был сухой и жёсткий, Гарт побрёл на берег за дровами. Бронхит бронхитом, огонь – свя-

тое.

Брал по одной-две нетолстых дровеняки под мышку, до-волакивал их до «дому», бросал у камня и отдыхал.

«Если завтра хуже, – вот дрова у меня».

Набрал в бутылку воды: «вот вода у меня».

У постели чуток сушёной рыбы: «Вот еда у меня».

Снял шкурки с оправок – чуни шить: «Вот обувь у меня».

Из четырёх костров два потушил, два подкормил: «хватит пока».

Под вечер решил делать стрелы. Выстрогал две и устал. Забрался в спальник и лёг. И стал смотреть в небо.

«Зачем мы живём?

Зачем мы живём на свете?

Зачем, Всевышний, посылаешь Ты нас в этот жестокий мир, не спрашивая, хотим мы того или нет?

Говорят, что человек рождается, имея задание от Тебя, которое надо выполнить, и лишь потом можно спокойно уйти.

Но всем ли Ты даешь такое задание?

Это правда, что многие с раннего детства знают своё при-звание, но ещё больше таких, которые работают “куда по-шлют”, и я такой.

На червяка наступить и то жалко, а я мучаю животных капканами, стреляю в них пулями, ловлю их сетью. Разве это мне было мне предназначено?

Ты же знаешь, Господи, что я и такие, как я, не от злобы это делаем. Мясо и рыба, добытые нами, нужны для поддер-

жания жизни других людей, а меха на одежду.

Но вот в отношении меня, именно меня, такой ли была Твоя задумка? Хотел ли Ты, чтобы я тратил жизнь свою, отнимая жизнь у животных?

Или я Тебя не понял?

Или я ещё в детстве отстранился и не слышал Тебя?

Зачем Ты, Господи, построил мир на крови?

Зачем, чтобы жить, надо убивать?

Зачем лишь самые крохотные существа получают энергию от Солнца и воды? Остальные, даже лемминг, гусь и олень, живут, убивая живое.

Почему Ты не устроил мир так, чтобы все жили от света Солнца?»

Так Сашка говорил с Ним и с жаром доказывал Ему преимущества однополярного мира перед бинарным. Все превосходства однопартийной системы им вдалбливали и в школе, и в институте. И Сашка пытался в меру сил своих, и в меру жара простудного объяснить их и Ему. Вот если бы Он выбрал немножко времени, ну хоть пару минуточек, чтобы поговорить с ним, заплутавшим сыном Адама, с глазу на глаз, как бы он был счастлив!

16. Тет-а-тет

Вдруг на ящик рядом с ним присел парень в длинной белой рубашке, с широкими крыльями за спиной, а лицом – ну точь-в-точь как Сашка в семнадцать лет. Если это «голос», то наконец-то представилась возможность его увидеть!

– А скажи, дружок, как тебя зовут? Пора знакомиться.

– Александрос, – ответил «дружок», как ждал.

– А что значит твоё имя? Поясни.

– Защитник человек.

– Хорош защитник! Ни слова, ни намёка, что буря идёт!

– Мы не властны над погодой. Разумные люди сами знают погоду наперёд.

– Благодарю за «шпильку». Но мог бы намекнуть, что лодка затонет, я-то надеялся проскочить приборную полосу, да же голенища сапог не поднял, их и сорвало. Бегал потом бо-сой.

– Я тоже растерялся. Никогда такого шторма не видал. Но всё же подсказал тебе, куда плыть и где вылезть, чтоб о камни не ударило.

– Э-э, нет! Полоску ту песчаную я сам узрел. Никакого «голоса» не припоминаю.

– Ты был в таком состоянии, что действовал по наитию и как бы не слышал меня. Вспомни же и вторую «калитку». И бензобак от мотора, вытолкнутый как бы случайной льдиной

именно в эту прореху в ледяном заборе.

– Хм-м... А песенка про пегого бычка с выходом на арбалет – твоя работа?

– Моя, – не стал отпираться Александрос.

– А сон как сделать кастрюлю?

– Тоже моя идея. И позволь заметить, что ты не очень-то быстро соображаешь: три раза пришлось по голове постучать.

– Ка-а-кой ты вежливый!

– Себя вспомни. Ты очень вежлив, мысленно всё возражая? – И ангел надул губы, как мальчишка.

– Ишь какой!

– Да уж. Весь в тебя.

– Скажи, а канистра, бочка, морж, сайка – это тоже ты?

– Дохлый морж и рыба тут ни при чём. Бочку ты тоже сам заметил. А вот канистра – да, это я тебе несколько раз повторил: «Посмотри!».

– Спасибо от души. Без этой «шапки» голову застудил бы.

– Пустяки. Работа у нас такая... Но ты кой-чего не заметил, за что я тоже жду от тебя спасибо. Благодарность – это та субстанция, которая нам нужна, как человекам хлеб.

– Я с некоторых пор чувствую и присутствие твоё и подсказки. Арбалет и кастрюля, – вот вроде и всё... Нет, постой! Спасибо, что вывел меня на берег между камней. Подсознание – штука непонятная... Как ты это сделал? Не волю же мою сломал?

– Конечно нет. Это запрещено. Можно лишь намекнуть. Подсказать. Сослаться на похожий случай. Человек должен сам принимать решения.

– А почему же столько неправильных и даже гибельных для себя решений принимает человек?

– А потому что... видишь, я светлый! – Александрос качнул сияющим белым крылом. – А есть ещё чёрные. Место светлого – справа, место чёрного – слева. А хозяина чёрных Христос назвал «человекоубийцей от начала» (Евангелие от Иоанна, гл. 8). Погибель человека – радость для него.

– Но если ты такой умный и всё тебе заранее известно, то «скажи: мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?»

– Не кудесник и не любимец, а всего лишь служебный дух. И прошу язычников не вспоминать, не люблю я этого.

– Ладно. Спасибо за хорошие новости.

– Не стоит. Такая наша работа. Ангел – значит: вестник.

– Меня сейчас очень беспокоит моё здоровье, дорогой мой вестник, а ты ведь знаешь будущее. Скажи...

– Не скажу! – с раздражением буркнул Александрос.

– Почему? (не слезу с него, пока не узнаю!)

– Можешь не верить, но будущее нам известно ещё меньше, чем вам.

Гарт крайне изумился:

– Ничего нам не известно! Мы тыкаемся во все углы, как слепые котятки.

– Неправда! Ты ведь с утра планируешь день и чем тебе заняться?

– Так.

– И неделю, и месяц, и год, и жизнь ведь планируешь примерно?

– Вот именно, примерно!

– А точнее и нельзя, ты не один на свете. Будущее своё ты каждую секунду творишь из настоящего вместе с Ним: прямо пойдёшь – женату быть, направо пойдёшь – богату быть, налево пойдёшь – убиту быть. А вот наше будущее целиком от вашего зависит. А моё – от твоего. Понял?

– Не так что б очень.

– Опять ёрничать?.. Ну, мне пора! – Глаза ангела были полны слёз. – Я существо подневольное. Не понимаете вы, люди, какое это счастье самому выбирать свой путь!

– Помоги, Александрос! Помоги выздороветь! Не оставляй меня одного, защитник мой!

– Я не волен оставить тебя, даже если б и захотел. Но и мне надо время от времени по своим делам. Я скоро вернусь. Я рядом.

– Скажи по крайней мере надо ли пить таблетки?

– Конечно, надо! Нельзя долго терпеть головную боль.

– А потом?

– А потом... Как станешь засыпать, позови (это я, пожалуй, могу тебе сказать) в свой сон Петра, соседа своего. Он всю жизнь в тундре. Опытный. А мне пора.

«А говорил, будущего не знаешь!» – хотел Гарт крикнуть ему вслед, но Александрос неожиданно исчез, как растворился, лишь лёгкое сияние ещё мерцало над старым ящиком у костра.

17. Не храбрый портняжка

Оставшись один, рыбак кинулся проверять аптечку.

Осталось две таблетки аспирина, а «поносных», как и было – пять.

Сашка хотел их выкинуть, а потом подумал: «Стоп! А вдруг – это самое... к бронхиту ещё и диарея привяжется? Не-ет, пусть лежат пока».

Но никаких таблеток пить не стал, решив выдержать характер и узнать, сможет ли вообще утром подняться.

Уложив по бревну на обе ноги, он опять залез в спальник, хорошенько подоткнул мох под бока, прочитал на ночь Отче наш, а закончил молитву так: «А теперь, Господи, если есть на то воля Твоя, пусть придёт в мой сон Пётр Поликарпович Ольховик, мой сосед и коллега. Поговорить надо. Аминь».

Но заснуть не смог. Кашель душил его. И сильно душил. При каждом приступе, казалось, голова лопнет.

Пришлось нарушить слово и выпить таблетку аспирина. Головная боль уменьшилась, но кашель всё так же разрывал лёгкие.

Убедившись, что заснуть не удастся, Сашка решил приняться за чуни.

Покрутил шкурки в руках, ещё раз промял их и примерил на ноги – годится! А шить там всего ничего: три-четыре стежка в носке, бывшее птичье горло затянуть, да завязочки

пришить.

Долго-долго, по стежку-стежочку шил он эти галоши-тапочки. Когда стали готовы, положил в них стельки из сухого мха – красота, а не лапти!

Прошёлся в них у костра – слишком мягкие, каждый камешек стопа чувствует. Тогда опять обул свои деревянные сандалии и привязал их к ногам. Вот теперь – самое то!

Опробовал новую обувь прогулкой к ручью. Постирал свои носки-рукава и повесил их на колышек у костра. Высохнут – на место пришить.

Под утро, когда солнышко явственно пошло вверх, тоже подтянул постель повыше и попытался заснуть в положении сидя, но только смежил веки, как обратил внимание на возмущённые крики чаек, всё ещё пировавших на моржовой шкуре недалеко от бивака.

«Мишка, что ли?» – охотник выглянул из-за камня.

Шкуру с увлечением теребили медведица и два медвежонка.

«Босая» пыталась отгрызть кусок от толстой роговой пластины, в которую за эти дни превратилась и без того жёсткая кожа моржа, а малыши просто лизали то, что им осталось от чаек, совсем как собаки вылизывают тарелку.

Гарт взял в руки дымящуюся головню и поднялся над камнем:

– Эй, мамаша! Не наевшись, не налижешься! Во-он там целый моржина на берегу лежит. Бегите скорее, а то чайки

расклют!

Медведица зашипела и стала задом-задом пятиться прочь от шкуры, от охотника, от костра, совсем как охотник недавно пятился задом от толстого «босого рыбака».

Медвежата, совсем ещё маленькие, с собаку величиной, повторили все действия матери. Припадая на передние лапы, кланяясь и шипя в сторону человека, вся троица стала удаляться.

Как ведут себя бурые медведи при встрече с человеком, Сашка знал из книг, самому не приходилось видеть близко бурого мишку, а белые медведи, завидев поблизости человека, шипят как гуси, только сильнее.

На метеостанции их отпугивали огнетушителем. Или направляли на них шипящую струю воздуха из шланга компрессора.

Даже здоровенные медведи тут же удирают.

Наверное, в медвежьем разуме уложилось: кто громче шипит, тот сильнее, и как врежет леща!

А сейчас Гарт смотрел на эту дикую семейку и было ему жаль, что она так быстро уходит.

Три чёрных носа, шесть чёрных глаз, желтоватые шубы, зелёный мох.

Красные лишайники, белые чайки, небо и солнце. Року-элла Кента сюда поскорей!

«Как жаль, что я не родился художником! Но с полочки обязательно куплю фотоаппарат!»

Откланявшись, «босые» побежали, но медведица вдруг остановилась и стала возбуждённо водить носом, сразу забыв и про человека, и про жёсткую несъедобную шкуру.

Ещё пара секунд – и она взяла направление. Бег её принял целеустремлённость и красоту, а всё тело вытянулось навстречу запаху еды. Медвежата не поспевали за матерью, но спешили изо всех сил.

«Давай, давай, мамаша! Там ещё много осталось, хватит вам на троих».

Улыбаясь про себя, Сашка забрался в спальник, устроил изголовье повыше и так, полусидя, заснул.

И сразу увидел соседа. Старый охотник Пётр Поликарпович Ольховик приехал в гости. И вроде как пьют они чай и обсуждают свои дела охотничьи и как бороться с простудой, если вдруг что. Прозвучали слова «золотой корень», но тут Гарт закашлялся и проснулся.

18. Сосед

Подновив костры, отколол от доски несколько толстых щепок, забрался в спальник, прислонился спиной к камню и принялся выстругивать стрелы. И стал вспоминать.

Упряжку Поликарпыча он заметил с крыши.

По тундре скользила живая чёрточка. Как будто черной ниткой белый носок штопаешь и потихонечку, равномерно её по ткани протягиваешь.

Через час он уже встречал гостей.

Каюр, высокий мужчина на копыльях позади саней, с размаху всадил остол (палку с железным наконечником) в мёрзлый грунт: «Р-р-ру!»

Псы остановились и легли.

Таймыр не зло, для порядку, облаял вновь прибывших. Вожак упряжки, крупный, широкогрудый пёс, так же ответил.

Гарт крикнул Таймыру:

– Фу!

Каюр скомандовал вожаку:

– Сидеть, Облак! Тихо! Здоров, соседко! – И взмахнул рукой.

«Соседко» он произнёс невнятно. Можно было понять и как «соседка». Это Гарту не понравилось, но промолчал, потихоньку разглядывая старого охотника.

Пожилой сероглазый мужчина в валенках и не с карабином, а со снайперской винтовкой СВД за плечами. Он привязал жоака за ошейник к столбу, раскрыл мешок на санях и дал каждой собаке, начиная с жоака, по куску чёрного мяса, наверное, моржатины.

– Облак! Тайга! Туча! Иртыш! Алдан! Чара! Ярик! Дубок!

– Какой важный собака! – заявил он вдруг и шагнул к Таймыру с намерением погладить его, но Таймыр зарычал и отошёл в сторону.

– Правильный собака. Кличешь как?

– Таймыр, – ответил Гарт неохотно. Настроение у него моментально испортилось. Сашка ждал, что Полукарпыч, о котором он был наслышан как о приветливом и доброжелательном человеке, сейчас назовёт своё имя и спросит имя соседа, а он начал с собаки.

– Правильна кличка! Ни колдун-ведьма не возьмёт, ни лихоманка не пристанет. Чё ж упряжку не заводишь, коли знаток?

– Не знаток. Я – технарь. Проходите, чайковать будем.

Гарт был в полной растерянности. Этот живущий на краю земли мужчина утверждал то же самое, что и его отец, колхозный пастух.

Собакам нельзя давать имена людей, но нельзя их называть и «простыми» кличками типа Бобик, Тузик, Шарик, Полкан. Такую собаку легко «испортить», насрать на неё болезнь или увести.

Называть собак следует именами, над которыми «глазливый» человек не властен. Например, по названию реки, горы, горного хребта, отдельного дерева или лесного массива, острова, полуострова, моря, океана или природного явления и т. д. Все эти слова обозначают сотворённое Богом. А над творением Божьим колдуны не властны.

Пастушеская собака его отца была беспородной двоняжкой, но носила гордую кличку Вассер (Вода). О такую кличку любая ведьма себе зубы обломает. Но, честно признаться, Сашка знавал множество всяких тузиков и шариков, которые доживали до глубокой старости и ни разу не были заколдованы колдунами, уязвлены ведьмой или уведены воров.

Впрочем, вышеуказанные категории граждан в его родной деревне и не проживали. Все были нормальные, лояльные, законопослушные советско-колхозные люди.

Интересно другое: родители Алесандра Гарта – потомки немцев-переселенцев, переехавших из Германии в Россию примерно десять поколений тому назад. Эти переселенцы, разумеется, и веру, и суеверия свои привезли. Но как получилось, что и немцы, и русские имеют одинаковые суеверия касательно собак? Не отголосок ли это обычаев древнего индоевропейского племени, из которого потом выделились кельты, германцы и славяне?

Пока Сашка хлопотал по хозяйству и «метал» на стол всё, что было в печи, Полукарпыч продолжал разглагольствовать о собаках трескучим тенором, совершенно не подходившим

к его высокой крепкой фигуре. Он так и не сделал попытки представиться или назвать своё имя.

Сашка уже имел не один случай убедиться, что многие охотники – люди со странностями, но вот такое...

Наконец он догадался глянуть гостю в глаза и увидел пляшущие там озорные огоньки. Мужик развлекался.

«Ах так! Ну, держись, сосед!»

Улучив просвет в монологе Полукарпыча, Гарт обратил его внимание на свой обеденный стол и стал расхваливать его на все лады. Дескать, он родной брат тому самому столу, что стоит в трапезной римского папы и на котором пьются изысканнейшие вина и едятся вкуснейшие яства. А получил Гарт его как презент от кардинала Болтанелли, с которым некогда вместе учился в школе, но который оказался сыном итальянскоподданного и рванул за бугор. Что же касается собак, то кардинал предпочитает пекинесов. Самый пекинесейший из пекинесов частенько ходил гулять под этот стол, и если принюхаться к правой передней ножке, то ещё можно уловить запах его благородной мочи.

– Благородная, гришь? – прервал его гость. Коротко глянул на хозяина и заявил:

– А ведь ты шельма!

– Не шельмой некоторых!

Полукарпыч рассмеялся, протянул Сашке руку и присел к столу.

Два охотника-соседа плотно пообедали и выпили по сто граммов спирта из запасов хозяина. Но когда Гарт потянулся налить по второй, Полукарпыч заявил:

– Хорош. Привыкашь к ему, а надо оно?

Ну и ну! Выпив первую, отказаться от второй? Но бутылку Гарт убрал.

И магазинный чай Полукарпыч отказался пить, а достал из кармана холщовый мешочек, высыпал из него в эмалированную кружку несколько корешков и залил кипятком.

– Пробуй!

Настой был вкусным и отдавал приятным конфетным запахом.

– Что за трава?

– Золотой корень. Ото всех болезней помогает. Лутше него тока оленья кровь. Свежа, горяча, как есть.

Сашка стал расспрашивать и выяснил, что золотой корень растёт по каменистым осыпям и на этих широтах не вырастает таким крупным, как в тайге. Но целебная сила его от этого не меняется.

Оленя же нельзя гнать или преследовать. Умереть он должен в одну секунду. То есть от пули в голову или в шею. Только «неиспуганная кровь» целебна. «От цинги, от жара, от живота помогают и кости быстрее срастаютца».

Отвар оленьей грудинки – лекарство от простуды, а нутряной жир – от больной спины. Раньше так и лечились, не было ни таблеток, ни аптек, ни раций, без которых сейчас

в тундру не выпускают.

В этот вечер, за неспешной беседой, Гарт узнал много нового, обогатился опытом повидавшего тундровую жизнь человека.

Особенно запомнился ему такой совет:

– В хороший год не клади по многу капканов, пёс везде идёт, любу приваду берёт. Убей быка гонного, запах от него. Поруби на куски, обваляй в снегу и водой полей, штабы не так легко ему грызть было. Да снегу гору навали, пусть лазит, ходы делат, пёс это любит. Капканы с толком раскидай, штабы на вытянутой цепке один другова не доставал. Штук пять-шесть будет, когда и семь. Каждый день проверяй, по стока-ту штук снимать бушь. Живые ишшо. Убил, дома в момент «шубу» скинул. Тёпла тушка – не мёрзлая, быстрее и ловчей. Таких оленев вдоль бережку раскидай, где вода под рукой, – до Нового года план твой.

– С конца декабря станет мало его. Кочевник он, разбегатца. Да и повыдушат люди наши. В конце февралю возвратца начнёт, но уже меньше. Куды как меньше его и сторожкой станет, опасаетца железа, нейдёт в капкан, и некогда ему: гон. А тама и сезону конец. Кто успел, тот взял.

Утром, провожая Петра Поликарповича, Гарт кивнул на винтовку, оптика на которой была заботливо прикрыта колпачками:

– А я не люблю зимой со стёклами. Дохнул – иней. Пока протрешь, олени ушли.

– Аккуратней дыши, – усмехнулся Полукарпыч и добавил озабоченно:

– Волк на путик пошёл. Пугаю, а то в длинну ночь даст прикурить. У тебя-то как?

– Не видал пока.

– Ну и не дай бог. А то всю работу спортят.

Пока Полукарпыч разворачивал нарты и приводил в порядок собачьи алыки-постромки, Сашка успел разглядеть, как его сосед пугает своих врагов. Насмерть «испуганная» волчья морда скалила жёлтые клыки из-под небрежно накинутого на тушу куска парусины.

Сашка долго смотрел упряжке вслед. Ольховик получил прозвище «Полукарпыч» не от созвучия с отчеством своим, а потому, что никогда больше половины плана не давал. Зато каждый год. Даже когда песка в тундре – шаром покати. Откладывал, очевидно, на чёрный день, а потом сдавал. Поди докажи, когда взято. Если правильно обработанная шкурка год-два в холоде пролежала, – от свежей не отличить.

Начальство его за это не любило, но Полукарпыч мало беспокоился.

– А что они меня уволят? Я тридцать лет тут. За войну – три «Славы» и ранение. А ну-ко?

У этого человека, говорили Гарту охотники, есть брат-погодок, Михаил Поликарпович. Но не ужились братья. До ссоры доходило, до драки, карабин друг от друга прятали. И разъехались. Своё решение и тот и другой объяснили на-

чальству так:

– Он всё неправильно делает!

Михаил взял зимовку в тундре, Пётр – на побережье.

Говорят, ростом, хваткой, отношением к людям – во всём они разные.

Но голоса до того похожи – по радиации не отличить.

Гарт вырос в дружбе со своими сёстрами и братьями, вражда между родными была ему вчуже и напоминала историю про Каина и Авеля.

19. Черныш, Малыш и стрелы

Когда стрелы были вчерне готовы, Сашка выгладил их острым куском обсидиана, расщепил хвосты и вставил в расщепы не перья, а тонкие деревянные пластины, которые закрепил нитками.

Противоположные концы он подстрогал под каждый наконечник отдельно, обмазал у костра горячей древесной смолой и насадил наконечники.

Получилось пять стрел. Из них две простые, а три с куском гвоздя в острие.

На эту работу ушло два дня. Или три. Сашка забыл делать чёрточки на камне, а когда опять стал их делать, никак не мог вспомнить, сколько же дней он не царапал камень, и сделал две черты.

Когда становилось темно перед глазами и нож и деревяшки падали из рук, Сашка поворачивался так, чтобы солнышко светило в лицо, и просто лежал, впитывая свет. Почему-то очень важно было чувствовать кожей свет.

Если было совсем не вмоготу, – пил воду.

Чайки привыкли к его лежачему положению и перестали кричать. Лемминги стали шуршать у самых ног. Чёрный ворон повадился каркать, пролетая над костром. Песец-воришка, стал подходить близко и тявкать.

– Что, Черныш, кушать хотца? – спросил у него Сашка.

– Вау! – ответил Черныш.

– Погоди, сейчас! – стараясь не делать резких движений, Сашка достал из кастрюли кусочек недоеденного рагу «ассорти а ля Ботфорт» и кинул Чернышу под ноги.

Песец отскочил, но потом осторожно, не сводя с человека настороженного взгляда круглых жёлтых глаз, подкрался, схватил кусочек и убежал.

Буквально через десяток секунд появился вновь. На этот раз он не тьякал, а лишь выжидательно смотрел на человека и облизывался.

Сашка кинул ему ещё кусочек рагу. Черныш съел его «не отходя от кассы» и снова облизнулся.

Бросил песцу сушёную рыбку. Но так, чтобы она упала неподалёку. После некоторых колебаний Черныш рыбку рывком подобрал. Проглотил и подошёл поближе.

Вскоре он уже брал у Сашки еду из рук. Осторожно брал, самым кончиком остренькой мордочки прикасался, быстро хватал и убегал.

– Черныш, а ты не лопнешь? – Гарт медленно поднялся со своего ложа. Он скормил этому вёрткому щенку полкило мяса и с десяток рыбок, а тот всё ещё попрошайничал.

Проследив за зверьком, Гарт увидел, что он давно уже набил брюхо и теперь просто закапывает подачки в мох. Метрах в тридцати, за небольшим камнем. Запас делает. Нимало не смущаясь тем, что человек всё видит.

– Ах ты жулик! Пока то не съешь, больше не получишь!

Черныш ещё долго танцевал в трёх метрах от Гарта, но, убедившись что подачек больше не будет, скрылся.

И ещё Гарт прикормил лемминга.

Несколько этих бесхвостых красноватых мышей то и дело шмыгали по своим дорожкам у самых ног, затем один лемминг осмелел, подобрался поближе, схватил лапками рыбку и стал её поедать, быстро-быстро шевеля усатой мордашкой.

Это было очень забавно.

– Малыш, ты же вегетарианец, нельзя тебе рыбу!

Малыш бросил рыбку и юркнул под мох, но спустя мгновение появился снова и стал это лакомство доедать. Наверное, соль нужна всем живым существам и тундровые мыши тут не исключение.

Гарт осторожно убрал оставшуюся рыбу и положил на мох кусочек шоколада.

И шоколад пришёлся ко двору. И он был съеден с завидной скоростью.

Тогда парень положил махонький кусочек на ладонь. Малыш без страха взобрался на ладонь и кусочек съел.

– Хватит, а то живот заболит!

Малыш покрутился, покрутился на горячей от жара ладони, свернулся калачиком и закрыл глаза: «Пожрали, теперь можно и поспать!»

Сашка держал его так, пока не устала рука, а потом осторожно стряхнул на мох возле лемминговой дорожки. Малыш

понял и побежал домой.

Больной не мог ничего есть, хотя и понимал, что надо. На второй (или третий) день закончились топливо. Он поднялся и пошёл за дровами. И понял, насколько ослаб: стоило наклониться, и в голове раздавался звон, а перед глазами разливалась темень.

Это его очень испугало, и он через силу съел кусочек чёрствой лепёшки и запил водой.

Эх, как нужен сейчас горячий, свежий олений бульон!

Штаны опять стали спадать. Верёвочку всё ту же подтягивал.

Кашель и жар как прописались в охотнике, но последняя таблетка, как последний патрон – на крайний случай.

Что следовало делать, Гарт знал. Но о том, чтобы идти в тундру, ползти, скрадывать оленей, и думать не хотелось. Его мир ужасно до двадцати шагов в одну сторону: от костра к берегу, и до ста шагов в другую сторону: от костра к ручью.

– Александрос, ты где? – крикнул в отчаянии. Но не услышал ответа, хотя чувствовал присутствие ангела рядом.

«Вот! Защитничек! Как болтать-рассусоливать, так пожалуйста, а как помочь – не дозовёшься! Ещё день-два – и задушит меня бронхит».

Гарт разозлился, обул свои птичьи чуни и сказал себе так: «Пока можешь ходить, – ходи. И сейчас же ты, чудо в перьях, пойдёшь и проверишь оружие. А потом – на охоту!»

Пусть суждено твоим косточкам остаться на этом острове, но не скажет о тебе твой сын, что отец его умер раньше смерти».

Воткнул в песок обломок доски-дюймовки, отсчитал двадцать шагов и выстрелил в неё стрелой с «бронбойным» наконечником. Промахнулся. Но со второго раза, стреляя с колена, попал.

Стрела не пробила доску, но расколола её. Годится.

20. На охоте

Утром Сашка выпил последнюю таблетку аспирина, выбрал себе крепкую палку-посох и с тремя стрелами у пояса вышел в направлении триангуляционной вышки. Южный ветер стих, грядёт перемена, надо осмотреться.

Оленей он увидел сразу километрах в двух.

Рогали всегда идут против ветра, а он поменялся на северо-восточный, или по-местному, на хиус. После южака хиус обязательно наносит туман. И он уже надвигался. Тёмно-серое облако широким языком пересекало пролив. Выйди Гарт чуть позже – не увидел бы оленей.

Но увидел, и глаза враз стали зоркими, а ноги – крепкими. Вот и шанс! Может, последний.

Отбросил посох и стал скрадывать табунок так, чтобы быть под прямым углом к ветру. Когда накатил туман, охотник был уже в двухстах метрах от стада и не боялся упустить его из виду.

Ещё через час подобрался на сто шагов и стал осторожнее. Кашлял, зарывшись лицом в мох, и это было тяжело до удушья. Будь у него карабин, уже можно было стрелять без опасения промахнуться, но предстояло подползти на двадцать шагов. А лучше – на десять.

Олень – жвачное животное и не может всё время пастись. Треть своего времени он проводит, пережёвывая проглочен-

ное ранее, совсем как корова или овца. Для этого важного дела олени ложатся. Правда, редко всем стадом. Обычно одна из старых важенок продолжает пастись и время от времени вскидывает голову, обозревая окрестности.

На этот раз табунок улёгся жевать жвачку в долине небольшого ручья. Гарт выполз на крутой берег и оказался шагах в тридцати от переднего жевуна, крупного быка с мощными красивыми пантами, на которых уже стала лопаться шкурка, высвобождая молодые, покрытые почерневшей кровью рога.

Для маскировки Сашка вырвал несколько кустиков тундровых злаков и поместил их перед своей головой. С корней посыпались комочки земли, он невольно стал их рассматривать и увидел, что в них кишит жизнь. Какие-то насекомые с блестящими крылышками и без них, крохотные личинки или куколки, пузатенькие жучки-червячки, тоненькие многоножки-сороконожки и разноцветные живые ниточки стали разбегаться-разбредаться в стороны и карабкаться вверх, к свету.

«Всегда занимали тебя тайны в мудрых книгах и научных журналах, и никогда не глянул ты себе под ноги. А тайна – вот она! Два месяца живёт этот жучок-червячок, затем на десять месяцев замерзает до неотличимости от камня, а потом оттаёт, даст потомство и замёрзнет вновь, чтобы через положенное время возродиться».

«А ты – большое сильное существо, но стоит тебе замёрзнуть и умрёшь. Почему такая, никому не нужная крохотулька не боится мороза, чуть почувствует тепло – оживает, а “царя природы” холод убивает навсегда? Почему Творец решил сделать так, а не иначе? Почему такое чудо проскочило мимо внимания биологов?»

Долго пролежал Сашка, размышляя о том, как дивно устроен мир, дышал в мох перед собой, и кашель (о, радость!) не тревожил его.

Когда олени опять пошли пастись, он «положил глаз» на того быка и с расстояния около десяти метров прицелился ему в лоб, чуть ниже основания рогов.

От бронхита помогает только «неиспуганная» оленья кровь, утверждал Полукарпыч. Животное должно умереть мгновенно, не успев осознать своей гибели.

Вдох. Медленный выдох.

Щелчок тетивы, свист – удар!

Олень подпрыгнул и завалился набок.

Гарт подбежал и ножом перехватил ему горло.

Закон природы: один не умрёт, – другой не проживёт!

Потоком хлынула кровь, и охотник пил её, горячую, горстями. Никогда до этого он не пил оленьей крови, а тут как с ума сошёл. Пил, захлёбываясь, и пил ещё.

Чёрный ворон, я не твой!

Наконец с последними ударами оленьего сердца прекра-

тились и толчки крови из раны.

Сашка привалился спиной к тёплому оленьему брюху, раскинул руки-ноги в стороны и заснул, а может, сознание потерял.

Пролежал он так недолго. Пришёл в себя от резкого крика ворона, вскочил и осмотрелся. Птица сидела на камне неподалёку неподвижно, как изваяние.

«Оголодал земляк? Не терпится? Погоди чуток и тебе достанется».

Сделал надрезы на туше, чтобы снять шкуру. Но вдруг вспомнил, что давал себе обещание жить по велению разума, а не по хотению сердца, вернулся на берег ручья, принёс арбалет и положил рядом.

«Босой» – что акула. Молекулу чувствует.

Освежив добычу, вырезал хороший кусок мякоти из ляжки и бросил ворону, а тушу расчленил на части и разложил их на мху, чтобы мясо заветрилось. Закончив работу, съел кусок печени, заедая солёными комками свернувшейся крови из рассеченного оленьего сердца.

Сырая оленья печень на вкус как свежесбитое сливочное масло: много не съешь.

Туман по-прежнему то накатывал густой волной, то чуть расходился.

Надо спешить. Начнётся морось и погасит костры.

Гарт уложил часть мяса в рюкзак, а всё остальное собрал в кучу и прикрыл шкурой от чаек.

Но только взялся за ляжки, – каркнул ворон.

Охотник вскинул голову.

На берегу напротив появился дракон.

Четыре волчьих головы: крупная и три поменьше.

Так не бывает! Где пятая?

Парень резко повернулся.

Позади него стоял матёрый и вбирал запахи. До него было шагов двадцать.

Окружили!

Охотника обложили!

Обошли по всем правилам!

Вот когда Гарт пожалел, что он не двуликий Янус и не может одновременно смотреть и вперёд и назад.

И – в одной рубашке перед волками. Чтобы не испачкать куртку кровью, он снял её и бросил рядом.

На куртке капюшон. Накинуть – хоть какая-то защита, а так, если прыгнет сзади, сразу – клыки в затылок.

Чёрная волна древней пещерной ярости накатила на человека. Тело вросло в землю, мышцы напряглись, нож стал продолжением руки, а зубов махом выросло штук сто, острых как шилья.

– Не отдам! – зарычал он. – Сами добывайте! – И повторил это заклинание несколько раз.

«Четырёхголовый» замер: он внимательно слушал. Матёрый сзади скалил зубы, казалось, он смеётся.

Охотник медленно, без резких движений, надел куртку и

поднял капюшон.

Та-ак!

Чтобы привести примитивный арбалет в боевое положение, надо опустить его вниз, наклониться, стать ногами на лук и потянуть тетиву руками-ногами-спиной, пока на крючок не западёт.

Это секунд пять-шесть.

Захотят, за это время в клочья разорвут.

Но волки не тронулись с места.

С арбалетом у груди Гарт стал пятиться назад, на противоположный берег ручейка, и пятился до тех пор, пока в поле зрения не попал и «сам».

Неприятно иметь врага за спиной.

– А ну, пошёл, пошёл отсюда, если шкура дорога! – шагнул навстречу волку и поднял арбалет к плечу. – Ты стрелу получишь, мамка твоя – нож, а малых ногами раскидаю!

Матёрый мягко прыгнул в сторону, сделал большую дугу и присоединился к своему семейству на том берегу ручья.

С оружием наготове Сашка пошёл вперёд, выкрикивая короткие злые слова.

Но не успел он поравняться с рюкзаком, как волки растворились в тумане.

Гарт опустил арбалет и увидел, что он пустой!

Обронил стрелу?

Нет. Две висели на поясе, одна торчала в голове оленя.

Забы-ы-л положить стрелу в жёлоб!

Ну, не осёл ли?

Парень коротко рассмеялся, затем стал смеяться всё сильнее и никак не мог остановиться, а потом смех перешёл в кашель.

В другой кашель.

В щадящий больные бронхи.

В такой, от которого мокрота отходит.

Отнёс рюкзак «домой» и вернулся с волокушей. Перетащил к огню всё до косточки, даже ноги, голову и толстый сизый шар оленьего желудка.

И всё это время кашлял.

И плевался, как верблюд.

И устраивал передышки.

Ужас, сколько гадкой липкой слизи в лёгких больного человека!

Мясо отделил от костей и уложил в яму, высланную мохом. В другую яму уложил кости, в третью – жир: олень был очень жирный.

Затем вскрыл олений желудок, намазал его зелёным пахучим содержимым оленью шкуру, сложил её конвертиком и прикрыл сверху плащом. Пусть ферменты работают, шкуру выделывают.

Над островом стоял туман, и сыпала мелкая бесконечная морось.

Устал Гарт, как пёс, до боли в сердце.

Куртка и штаны на нём промокли, но запасная рубашка,

свитер, пуловер, носки и спальник, загодя уложенные в поваленную набок бочку, остались сухими.

А вот и суп в кастрюле поспел!

Забрался в бочку, покрутился, устраиваясь, – ноги наружу торчат. Тогда пристроил на бочку, вверх килем, найденную ранее бамбуковую лодочку, прикрыл её днище плёнкой из «поленоэтилена» и придавил жердями.

В бочке он постелил брезент и свитер, сверху – спальник. Наложил себе дымящегося мяса в деревянное блюдо, налил бульона в бутылочный стакан, прикрыл костры досками и залез в бочку. В тесноте – не в обиде.

«Диоген жил в бочке, мне просто переждать».

Но еда не шла. Не хотелось, не жевалось, не моглось.

Зато выпил стакан горячего душистого бульона. И второй. И с каждым глотком, с каждой каплей испарины чувствовал, как болезнь уходит из тела.

И заснул.

21. Подружились

«Белый шум» – древнейший из шумов земли. Так шумит волна, трава, ручей, дождь, рожь, лес. Крепко спится, хорошо работается, легко думается под белый шум.

Охотник слушал дождь. То барабанит, то отстанет, то совсем перестанет.

«А я под крышей. Тепло и сухо!»

Но что это за скрежет такой врзается в белый шум. Будто крыса под полом у самых ног.

Сашка приподнялся на локтях и глянул.

В полуметре от него пристроился на мху Черныш. Его тёмная шубка блестела от влаги, но лёг он так, что вода с крыши стекала стороной, а сам он оставался сухим.

Человек мысленно похвалил зверя за сообразительность. Но чем он там занимается?

Присмотрелся, – батюшки! Да он же переднюю ляжку оленью грызёт!

Достал из ямы кость, на которой ещё довольно мяса оставалось, спрятался от дождя под крышей, и уплетает ворованное на глазах у хозяина!

Ну, не нахал ли?

Сначала хотел песца шугануть, но потом постыдился животное под холодный дождь выгонять, да и учили в школе, что чувство частной собственности – суть вредный пережи-

ток капитализма.

Пора было вставать по своим делам. Чёрныш тоже вскочил. Отбежал в сторонку и стал за человеком наблюдать.

– Не убегай, Черныш. Учись. Смотри, как люди живут!

Сашка был рад этому любопытному щенку. Ему не хватало Таймыра, с которым он привык разговаривать, как с младшим братом.

Снова разжёг костры и поставил на ближний кастрюлю с олениной.

Черныш подошёл с подветренной от кастрюли стороны и стал принюхиваться. Но вдруг насторожился, поднял ушки топориком и прислушался. Затем резко подпрыгнул и ударил обеими передними лапками по мху. Из-под лап выскочил лемминг и бросился по лемминговой дорожке наутёк.

Песец в два прыжка настиг лемминга, но схватить его не успел. Мышь круто повернулась, села на задние лапки, упираясь в утопанную дорожку куцым хвостиком, и резко засвистела, ощерив острые желтые резцы. Песец несколько мгновений смотрел на мышь сверху, и так и сяк наклоняя голову. Потом вдруг мгновенным движением схватил лемминга передними зубами за шиворот и подбросил кверху. Мышь закувыркалась в воздухе, песец опять с чрезвычайной быстротой ухватил её резцами, с треском раскусил голову и проглотил.

– Ловок! – заметил Гарт. – Но зачем такая долгая прелюдия и сложные пируэты? Не проще ли догнать и тут же без

долгих разговоров съесть?

– Вау! (Ты же видел, как они чувствуют дистанцию. Тут же разворачиваются и готовы вцепиться тебе в губу! А кусаются пребольно!)

– Леммингу сверху ещё удобней кусаться!

– Вау! (Нисколько! У него от кульбитов в голове пертурбация: не сообразит, где верх, где низ. Тут уж не зевай – голову ему прокуси. А то в язык вцепится. Больно – ужас как!)

– Какие ты слова знаешь интересные... Где учился-то?

– Вау! (Мама с папой учили и на примере показывали. А вы, люди, разве не таким способом мышей едите?)

– Признаюсь по секрету: мы вообще мышей не едим!

– Вау! (Это почему же? Вкуснее жирного мыша нет ничего на свете!)

– Н-ну... видишь ли... у нас несколько иное представление о том, что вкусно и что нет.

– Вау! (Уже заметил. Нет, чтобы мясо сырым съесть, вы его сначала нагреваете, а когда оно всякий вкус потеряет и станет как тряпка, тогда едите. Непонятно всё это, не по-нашему.)

– Уважаемый Черныш! Я постараюсь донести до своего народа все способы охоты и манеру жизни твоего народа. А пока держи кусок сырого мяса. И спасибо за урок!

А тут и дождь перестал. Сквозь разрывы в облаках стало видно синеву.

Боже мой, какая радость!

Какая это радость – синее небо!

Даже клочок синего неба – какая это радость!

Нельзя жить без неба. Глаза сами вверх тянутся. За ними душа.

Небо – это вечное утро. Кто, глядя на небо, не вспомнил детство своё?

Далёкие предки Гарта, первые охотники, наверное, так думали:

«Вон там облака. За облаками – вечная синева.

А за синевой – тоже всё на крови?

На боли, на горечи стоит?»

Черныш уже без страха забрался под крышу и принялся с увлечением грызть кость. А Сашка почувствовал прилив силы в душе. Опять он хозяин. Опять есть у него домашнее животное, о котором надо заботиться и которое даст знать о приближении врага.

Кстати, о врагах: арбалет-то под дождём оставил!

Тетива на нём намокла и провисла: не выстрелить!

Вот разгильдяй, так разгильдяй! А если «босой» появится, опять в него головнями швырять?

Крайне недовольный собой, Гарт подsunул своё оружие поближе к струе дыма: часа через два-три опять будет в норме.

Тут закипел олений бульон в кастрюле, и охотник сел завтракать.

Не завтрак, а пир!

Есть хлеб. Лепёшка на соде.

«Вот ты, Черныш, утверждаешь, что самая вкуснятина – это толстый, жирный лемминг. А по мне, так ничего вкуснее горячего оленьего бульона с чёрствой лепёшкой!»

– Хочешь кусочек? – сказал Сашка Александросу с набитым ртом.

– Опять дразнишься? Ты лучше вспомни, какой ветер дул в те три дня пока ты болел.

– Три? На мой счёт – два.

– На мой – три. Ветер вспомнил?

– Как не вспомнить! Южак. И теплынь была, – оводы и трясогузки появились.

– Оводы нам ни к чему. Южак – это на полрумба круче к берегу волны ложатся, по-другому ил-песок намывают.

И размывают.

– Что-то не врублюсь... при чём тут «размывают»?

– Вот. А обижаешься, когда тебе на позднее зажигание указывают!

– Но-но, полегче! А тупице пальцем покажи!

– Ты на берег давно ходил?

– Вчера. Воду брал, в суп добавить.

– И ничего не заметил?

– Заметил. Лёд растаял.

– Глазастый, прям страсть... А подо льдом ты ничего не оставил?

– А-а-а! – кусок застрял у Сашки в горле. – Там кормилец

мой!

– Я думаю, не мешало бы глянуть.

– Спасибо, Сашок, бегу!

22. Карабин

Плотик качался на лёгкой волне у самого берега. Гарт скинул с ног свои «птичьи перья» и сиганул на влажные брёвна.

Пара гребков веслом – и вот он камень, за который он ухватился тогда, пропуская над головой волну.

А чуть дальше – чёрная палочка под водой.

Ствол.

И неотличимое от песка рифлёное цевьё карабина, укороченной охотничьей винтовки.

На глубине меньше метра.

Веслом он отодвинул ствол в сторону и, когда показался плечевой ремень, просунул в петлю конец весла и поднял своё оружие на плотик.

И ног не замочил!

На берегу Гарт поцеловал карабин в солёное мокрое ложе и прижал его к груди.

«Боже мой! Опять я стал полноценным мужчиной, работником великой тундры. Добытчик и охранник мой у меня в руках!

Спасибо тебе, Александрос!»

Вынул затвор, – всё в песке. В стволе ил.

Открыл магазин – пять патронов выпали на ладонь.

И тут всё в грязи, но с каким удовольствием будет он сейчас чистить-блистить своего друга и добытчика!

Грязь из ствола винтовки Гарт осторожно удалил «амели-невой» провололочкой и промыл его кипятком. Смазал изнутри остатками солярки, хоть оно и нельзя – соляркой.

И разобрал, промыл, прочистил.

И положил карабин на камень сушиться.

И патроны рядом. Пять тяжёлых жёлтых патронов.

Затем занялся делом. Вскипятил морскую воду в кастрюле, окунал в неё нарезанное тонкими ломтями оленьё мясо и развешивал сушиться.

И всё нет-нет да и глянет на карабин.

И всё не верил счастью великому.

И всё улыбался, а потом запел.

23. Дела домашние

В этот радостный день Сашка успел поразительно много.

Когда мясо было развешено, он пододвинул вешала поближе к костру так, чтобы дымком протягивало и чтобы чайки не могли ухватить.

Вырубил днище из второй бочки и сделал «кастрюлю» по примеру первой, а края вытянул повыше. Получилось ведро. Дужку к нему согнул из найденной ранее на триангуляции железной проволоки.

Черныш доставил охотнику немало весёлых минут. Он свернулся клубочком неподалёку, прикрыл нос пушистым хвостом, и следил за всеми действиями человека с величайшим любопытством.

При ударе железом по железу возникал отрывистый резкий звук, от которого у песца непроизвольно захлопывались глаза.

Получалось: удар – морг, удар – морг, удар – морг!

Наконец, Чернышу это надоело, и он убежал на дальний песчаный бугор.

Гарт нагрел воды в ведре, насыпал чуть золы в деревянное блюдо и пошёл на ручей. Там побултыхался, помылся, используя вместо мыла золу, смыл с себя болезнь и усталость. Бодрый и весёлый вернулся «домой» и взялся готовить своё любимое блюдо, холодец из головы и ног оленя.

Сколько возни, пока все косточки очистишь-приготовишь, и варится долго. Но зато и вкуснятина – за уши не оттянешь!

Черныш совсем перестал бояться, сидел рядом, по-кошачьи уложив хвост кренделем, и время от времени выражал своё восхищение громким «Вау!» Гарт бросил ему кусок оленьего уха с толстой бляшкой жира на нём. Черныш жир съел, а ухо пожимкал и оставил: оно, мол, от старого быка, не угрызёшь.

– Привередничаешь, паря, уже и оленина тебе не мясо, а ведь раньше ты и мышами не брезговал! – упрекнул его охотник.

– Вау-вау-вау! – затыкал Черныш. (Мыши – они жирные, мягкие и в любой мороз тёплые. Вку-у-сно. Не то что это жестяное ухо!)

– А куропаточку не желаете, уважаемый?

– Вау-вау! (Кто ж откажется? Только добыть трудно, они сторожкие).

– А как ты насчёт моржатины? Тут, неподалеку, есть. Правда, не первой свежести, но народы вкушают. И ты бы прогулялся. Жирку бы поел, на зиму б запаса, а то тощий такой – смотреть жалко!

– Вау! – печально твякнул Черныш и сокрушённо потряс головой. (Был уже там, плюху получил от старших, и бургомистр чуть глаз не выклевал. Но мне повезло. Недалеко от тебя целое скопище превкусных костей, с мясом на них на-

шёл, чем не еда?)

Охотник принялся объяснять песцу действующие на территории России права частной собственности на «кость пищевую», но в один особенно красноречивый момент обнаружил, что слушатель убежал.

24. У моря

Спокойно, хорошо было на душе.

И не хотелось, чтобы день кончался, а хотелось его продлить.

Поужинав оригинальным блюдом – горячим холодцом, Гарт прикрыл кастрюлю досками и пошёл на пляж. Уселся на камень, положил карабин на колени, вдохнул соль морскую.

Лёгкий хиус гнал волну от берега в море, и возле самых скал не было никакого волнения, лишь лёгкая паутинная рябь.

Море. Чайки. Закат.

Черныш прибежал и лёг рядом.

Нерпа показала чёрный нос у самого берега.

За ней проплыл лахтак. Толстый. Между головой и попой проливчик, и кажется, эти части тела плывут отдельно. Наверное, жирный.

Солнышко нехотя погрузилось в море.

Вода вблизи стала чёрной, чуть дальше зелёной у горизонта – киноварь.

Тихо-тихо.

Капает с усов нерпы вода, чайка перебирает пёрышки, рыбка воду плавничком режет.

И слышно, как стучит и замирает сердце.

И слышно, как согласно дышат море и тундра.

И забываешь, что вал приборя притаился в глубине.

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть.
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых
И дышит непонятная
Живая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненья далеко.
И верится, и плачется,
И так легко, легко.

Думал ли Михаил Юрьевич, что его мысли прозвучат через полторы сотни лет в Арктике, на семьдесят пятой параллели?

– Александрос, ты здесь?

– Здесь. Надо чего?

– Нет. Просто не хочется быть одному.

– И мне.

Сашка встал и пошёл вдоль берега. Вспоминал отчий дом, своих сестёр и братьев, детей, друзей, Сережет.

Черныш лёгкими прыжками следовал за ним.

И пусть. Говорят, Бог троицу любит.

К биваку он вернулся поздней ночью. Разобрал крышу, откатил в бочку в сторону, устроил себе постель, положил слева карабин.

Накормил Черныша и забрался в спальник. А «домашняя животная», как говорит Полукарпыч, свернулась калачиком в ногах.

Так и заснули.

25. Избушка

Утром раненько Гарт занялся строительством избушки. Надоело непогоду в бочке пережидать. Выстрогал себе деревянную лопату из лиственничной доски и вкопал угловые столбики на площадке размером два на три шага. Обшил столбики с обеих сторон досками, а серединку заполнил подручным материалом: камнями, песком и мхом. За три дня поднял стены чуть выше своего роста, чтобы ходить внутри, не пригибаясь.

Очень плохо было без молотка. Своим железным шкворнем строитель в первый же день пальцы поотбивал. И тогда вспомнил, как отец сверлил стекло медной трубкой, под которую подсыпал мокрый песок.

Песка кругом – море. Кусок алюминиевой трубки Гарт отломил от найденной ранее старой кровати-раскладушки. Подыскал подходящий обломок базальта, расклинил его в камне на берегу и стал сверлить своим «индейским луком» как будто огонь добывал: туда-сюда, туда-сюда.

Не очень быстро, но всё же за полдня, с перекурами, Сашка просверлил базальт алюминием. Насадил камень на рукоять – получился молоток-топорик, которым он и гвозди выпрямлял, и гвозди забивал, и доски по размеру обрубал.

Бамбуковая лодочка очень пригодилась. Разобрал её и сделал из крепких бамбуковых стержней стропила для кры-

ши, а саму крышу устроил односкатной с уклоном в сторону тундры и покрыл её шкурой моржа. Этакий домик-скворечник получился.

Два оконца затянул кусками полиэтиленовой плёнки. Непрозрачные окошки, но свет есть. Очень не хватало второй пары рук. Был бы сын рядом, сейчас ему одиннадцать, как бы помог отцу!

Оставалось сделать печку. Беспечный балок – для беспечного человека, а беспечному в тундре плохо.

Оставшуюся бочку охотник разрубил пополам, в одной половинке вырубил окно-топку. Кусок жести из «окна» подвесил на петлях из гвоздя на то же место. Получилась дверца. Закрывалась она со скрежетом и не очень быстро, но всё же давала возможность, приоткрывая её, регулировать тягу.

А вот на изготовление трубы из остатков жести ушёл целый день. Но вскоре и она встала на место. И стал балок, как дом, – заходи и живи!

26. Инга

За эти дни от беготни по камням, чуни из птичьих шкур на деревянной подошве основательно истрепались. Пора было подумать о настоящей обуви. Хорошие непромокаемые сапоги получаются из шкуры нерпы. Оседлав своё плавсредство, – неуклюжий плотик, – Сашка убил нерпу из карабина и достал её со дна моря деревянным багром с железным гвоздём-крючком на конце. Чтобы багор тонул, пришлось привязать к нему камень. Нерпа оказалась крупным самцом весом, наверное, килограммов восемьдесят.

Черныш едва дождался, когда Гарт снимет шкуру с добычи, и принялся тут же пировать, вгрызаясь в бок тюленьей туши.

– погоди, не спеши! – Сашка отрезал ему кусок мяса с жиром и положил на камень. И тут же увидел вторую нерпу. Она подплыла так близко к берегу, что, казалось, хотела вылезть на песок. «Вторая шкура не помешает», – решил Сашка, свистнул нерпе, и тихонько, без резких движений, поднял к плечу винтовку. Но выстрелить не успел: нерпа ушла на глубину.

Ладно.

Сашка положил карабин рядом и стал разделявать добычу, время от времени бросая взгляд на море. Но появление

нерпы всё же проморгал. Она внезапно вынырнула у самого берега и, неловкими рывками, как и все тюлени, стала выползать на песок. Сашка опять поднял карабин к плечу, но стрелять не спешил. Насторожило необычное поведение тюленя, да и что за радость убить животное, которое само под выстрел подставляется?

Он опять тихо свистнул сквозь зубы: нерпы чрезвычайно любопытные создания и очень любят тихий музыкальный свист. Нерпа подползла шагов на пять и уставилась на человека чёрными, не отражающими свет глазами.

Стараясь не делать резких движений, Сашка уселся на песок и опустил карабин.

– Тебе что, жить надоело? А ну, двигай назад, пока я добрый!

Но небольшая нерпа эта подползла ещё ближе. Теперь охотник, если бы захотел, мог бы притронуться к её носу палочкой или дулом винтовки.

«Ненормальная, что ли?» – и тут заметил, что нерпа ползёт по следу, оставленному в песке тушей первой нерпы, когда охотник выволакивал её на берег.

«Самочка! Самца своего ищет по запаху».

– Не ищи, убил я его. Не знал, что вы пара. Но вообще-то мне нужна шкура на сапоги.

Нерпа была уже на расстоянии вытянутой руки и, тщательно пригнувшись, пододвигалась всё ближе. Гарт взял два камешка в руки и постучал ими один о другой.

Тюлениха, совсем как собака, покрутила головой так-сяк, прислушиваясь, затем принюхалась к испачканной жиром Сашкиной руке и, наконец, осторожно, самым кончиком носа, притронулась к пальцу.

Сашка подушечками пальцев прикоснулся к её усатой мордочке.

Нерпа отпрянула. Но потом опять подползла ближе и опять стала принюхиваться. На этот раз она позволила погладить себя по щеке и притронуться к передним лапам.

Но тут налетел Черныш и куснул нерпу в бок. Она бросилась в воду и нырнула.

– Ну и дурень же ты, Черныш! Всю малину испортил. Щас как дам леща!

– Вау! (А это вкусно?)

– Вкусно-вкусно... Рыба такая. Вот это что!

– Вау! (Рыбу я люблю. Но нерпа жирнее.)

– Тебе что, целой туши мало? Ведь за месяц не съешь! Я ж эту самочку приручить собрался, а ты – кусаться! А вдруг она теперь больше не подплывёт? Если ещё хотя бы раз тявкнешь на неё, будешь иметь дело со мной! – и Гарт потряс перед носом песка толстой суковатой палкой.

Черныш обиделся, отбежал в сторону, завалился на бок и стал кататься по мху. Он так нажрался, что стал похож на бочонок на ножках. Даже хвост и уши у него стали короче и лоснились от жира.

Охотник освежевал нерпу, уложил тушу в яму, а шкуру

тщательно постирал в морской воде, как учили старые промысловики.

Перед выделкой шкуру надо тщательнейшим образом обезжирить. Для этого её набивают на деревянный каркас и вывешивают на мороз. С мёрзлой шкуры жир легко соскабливается стальной ложкой. Летом шкуру так же набивают на каркас, привязывают к нему камни и опускают в море. Жир с поверхности мездры выедают морские рачки-капшаки или мормыши, по-учёному – эвфаузиды. Начисто выедают, только за процессом этим надо следить, а то и шкуру сожрут.

Сашка быстренько сколотил из подручного материала четырёхугольную раму, натянул на неё нерпичью шкуру, привязал к раме камни, отплыл немножко от берега и опустил каркас на глубину примерно трёх метров. И тут увидел в воде тень.

Нерпа медленно поднималась из глубины к поверхности. Усы и «брови» её распушились, пятнистое тело легонько изгибалось, огромные зелёные глаза были раскрыты. Гарт застыл с веслом в руке.

Боже, какое красивое животное! Какое оно неуклюжее на берегу и какое совершенное в воде! А глаза! На воздухе глаза нерпы – просто чёрные пуговицы, а если смотреть на них через слой воды, видно всю прихотливо окрашенную радужку, все жилки-прожилочки, все пятнышки на ней. Засмотришься!

Беззвучно вынырнув у самого плотика, нерпа, чьи глаза

опять стали невыразительными чёрными провалами в голове, с любопытством уставилась на человека.

– Иди сюда, русалочка зеленоглазая, иди, познакомимся! – человек тихо свистнул и протянул к нерпе руку.

Нерпа подплыла и легонько притронулась к руке охотника носом. Сашка почесал ей мокрую щёку и пригладил усы.

Как же назвать тебя, чудо морское, каким именем окрестить? Назову тебя просто Инга. Будь у тебя уши, Инга, почесал бы за ушком, а пока только мордочку поглажу, лады?

Инга уцепилась передними когтистыми лапами за край плота и внимательно слушала. А парень и дышать забыл. Нет, она всё же ненормальная, эта маленькая самочка. Неужели она не поняла, что от человека исходит смертельная опасность?

Но какая же радость сердцу человеческому от общения с вольным животным! Вот мы говорим: «дикое животное». А какое ж оно дикое, если стремится ближе к человеку? Обнюхивает его руки и смотрит ему в глаза. Наверное, вот так, накоротке, общались с животными Адам и Ева, когда давали каждому имя и разговаривали с каждым на его языке.

Легонько пошевеливая двухлопастным веслом, Гарт отогнал плот к берегу и привязал его к большому бревну. Улыбаясь, пожал Инге когтистый лап и пошёл по своим делам.

27. Будни промысловика

А работы было выше головы. Для начала выдолбил в базальтовой глыбе на берегу довольно большую выемку и стал собирать в неё мочу. Для выделки тюленьей шкуры жеванина из печени – слишком слабый «химикат». Да и где взять столько печени на трёх-четырёхразовую обработку шкуры? Моча же действует как дубитель, выделанные таким способом шкуры не пропускают воду.

Затем привёл в порядок ближние кочки-тумбы для капканов и отремонтировал сами капканы.

Но все эти хитрости охотничьи хороши только раз в три, а то и в четыре года, когда есть в тундре песок. Один «урожайный» год чередуется с тремя-четырьмя «неурожайными», когда песка или очень мало, или нет совсем.

А почему такая странная цикличность численности у этих белых лисичек?

А потому что лемминга бывает много только один раз в три-четыре года!

А почему такая странная цикличность численности у лемминга?

А потому что болеют эти подвижные красноватые мышки и во множестве умирают. Или так их много становится, что выедают все корма и массажи бегут искать новое место, по дороге попадают им реки и озёра, при форсировании ко-

торых лемминги тысячами гибнут в воде, замерзают от переохлаждения на берегу или становятся добычей тех же песцов, чаек, хищных рыб и птиц.

И остаётся мало мышей в тундре. И песцы уходят в другие места. Если нет лемминга в таймырской тундре, значит, есть в приленской, нету в приленской, зато появился в чукотской и малоземельской. Никогда не бывает Великая Тундра без лемминга и без песка.

Выделки шкуры мочой, – это не очень красивая, но очень «пахучая» работа, но всё же дня через три-четыре, пошитые на скорую руку, кривоватые сапоги из нерпичьей шкуры были готовы, Сашка уложил в них мох вместо стелек и получил надёжную непромокаемую обувь.

Притопнул ногой и пожалел, что нет зеркала, посмотреть. И крикнул негромко:

– Александрос, ты здесь?

– А куда ж я денусь?

– А вот деваешься! Деваешься иногда непонятно куда. Не докричаться!

Александрос промолчал.

– Скажи, пожалуйста, ты силён в толковании Писания?

– Читал, но большим знатоком назвать себя не могу, тем более, толковать сложные места. И чего это тебя бросает от сапог до Книги?

– Да есть там, в самом начале, одно место, которое повергло меня в величайшее изумление и которое я сейчас, за вы-

делкой шкуры, опять вспомнил.

– Ну-ка, ну-ка...

– После описания грехопадения Адама и Евы написано так: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их». (Бытие 3: 21). Не значит ли это, что Господь Бог и был первым охотником? И первым скорняком, и первым «швецом» на Земле? Ведь прежде, чем пошить одежду из кожи, надо убить животное, скажем, барана или козла, и выделать шкуру. А это, ты видел, очень трудоёмкий процесс, неприятный и долгий.

– Адам и Ева первый на Земле грех совершили. А по Ветхому Завету «без пролития крови не бывает прощения» (К Евреям 3: 21). И во искупление греха Господь пролил кровь какого-то животного, скорее всего, агнца. Я полагаю, что убит был этот барашек прямо перед глазами согрешивших, и они впервые увидели смерть. Печальная история...

А выделать и пошить – это уже другое дело. Я лишь служебный дух, тебе надо поговорить со священником.

– Спасибо, Александрос, я думаю, ты недалёк от истины. Пойду на бережку посижу, на воду посмотрю...

Ближние капканы он привёл в порядок относительно быстро и с каждым днём стал уходить всё дальше от балка. С широкой галечниковой косы северного берега открылся ему великолепный вид на весь архипелаг и на «домашний» остров с чёрным кубиком избушки на нём.

Гарт долго стоял и смотрел, не в силах оторвать взгляда. Всего-то пятнадцать километров, а не достать. Неужели придётся кантоваться на этом Сапоге-Ботфорте до самых морозов, ждать, когда в бухте установится надёжный ледяной покров?

«Таймыр, пёс мой своенравный! Как ты там один? Небось давно уже доел кусок нерпятины и теперь голодаешь? Или тоже рыскаешь по берегу, подбираешь, что море выбросит?»

Стоял ясный тёплый день, лёгкий зюйд-вест слегка раскачал море. Мелкие белые барашки на волнах катились в сторону, всё катились в сторону одинокого зимовья!

Сашка бросил в море кусок дерева, переждал пять минут, бросил второй и третий. Когда дровеняки отплыли достаточно далеко, мысленно провёл по ним прямую линию от берега, где стоял, до берега домашнего острова. Воображаемая линия прошла чуть правее избышки, и Сашка ощутил жар в сердце.

«Сделаю большой устойчивый плот, дождусь прилива и попутного ветра и часа через три – дома!»

Мысль эта настолько его воодушевила, что он весь день провёл как в лихорадке, разве что не летал по острову. Скорее-скорее отремонтировать путик! Скорее-скорее бежать с опостылевшего клочка суши!

Если бы он догадался смотреть на маяки-деревяшки подольше, то с удивлением заметил бы, что на расстоянии примерно километра от берега, эти кусочки дерева вдруг закру-

жились, завертелись и поплыли в открытое море...

Заготовив целую гору колышков, перетянул их проволокой и привязал к плоту. Уложил в рюкзак немного сушёной оленины, бутылку с остатками солярки для разжигания костра и поплыл вдоль берега на ремонт дальних капканов. Ветер почти улёгся, и самодельное плавсредство легко слушалось весла.

Но вдруг плотик накренился, и Гарт чуть не упал в воду.

Что т-т-акое?

А это Инга вскарабкалась на брёвна и заскользила к самой руке охотника: поиграй со мной, добрый человек!

– Осторожней, Инга! Чуть меня не скovyрнула! Я вовсе не желаю купаться в ледяной воде!

Но Инга уже ткнулась усатой мордочкой в ладонь: погладь меня, человек, не ворчи!

– Ох, беда мне с вами, друганами-меньшими братанами! Того накорми, того приласкай, от того убегай! – Сашка погладил нерпу по скуле, распушил ей «усы» и провёл рукой по гладкой мокрой шее.

Неожиданно Инга опрокинулась на спину, подставляя живот, и чуть поскребла по нему короткой когтистой лапой: и здесь почеси!

– Ну, ты прям как поросёнок у бабы Мани! Может, тебе ещё картошечки наварить и хлебную корочку в молоке размочить?

Улыбаясь про себя, почесал нерпе живот и шею. Потрепал

по усатой морде и вновь взялся за вёсла.

Но что это там за кости виднеются среди камней? Ну-ка, глянуть!

Скелет моржа, того самого, начисто обработанный благодарными жителями тундры, лежал чуть выше уреза воды, наверное, туда его оттащили медведи.

«Князь тихо на череп коня наступил...»

От резкого удара ногой череп с небольшими бивнями отделился от шейных позвонков и отлетел в сторону. Сашка поднял трофей и привязал его к плоту. Пригодится.

28. Navigare necesse est⁵

Уже под вечер причалил к берегу у самой южной оконечности острова, привязал плотик к большому камню и выгрузил колышки. Инга соскользнула с брёвен и ушла в воду.

А Сашка увидел остов разбитого корабля.

От шхуны или небольшого зверобойного бота осталась примерно половина, выдавленная льдом высоко на камни. Обломки мачты, расщепленные доски обшивки и остатки шпангоутов выглядели так, будто гигантский дракон перекусил этот парусник пополам, будто неведомый великан разрубил шхуну надвое тупым мечом.

Гарт стал медленно обходить остатки кораблекрушения кругом, и тут из расщелины в досках разбитой рубки вылетела трясогузка.

– Цивить-цивить, цирли-ти-ти! – Птичка уселась на обломке мачты и закачалась, укоризненно поглядывая на человека живым чёрным глазом. Откуда ни возьмись и вторая пичужка, белые щёки, чёрная шапочка и чёрная грудка, «цитти-цирли!» – оказалась рядом с первой.

– Надо мне вашего гнезда! Я совершенно случайно здесь, поверьте!

– Цитти-цитти-цирли! (Ну, так отойди подальше, не мешай!)

---

⁵ Плавать по морю необходимо (лат.).

– А вы откуда взялись тут, на 75-ой параллели?

– Цли-и, цли-и, ти-и! (Мы из Марокко!)

– Но это ж какая морока – лететь из Марокко!

– Цирли-цирли-цивлишь! (Не так уж просто. Но тут – наша Родина!)

– Моё почтение, храбрые пичужки. Ухожу, ухожу!

Гарт заглянул в полуразрушенную рубку. Среди обломков дерева и осколков стекла, тускло отсвечивая латунной набойкой, лежал сорванный с места штурвал.

Осторожно поднял его. Отошёл подальше, чтобы не беспокоить птиц, и осмотрел находку. Крепкое дерево изделия всё ещё держало в себе рукояти, на изогнутой латунной полосе, привинченной к штурвалу шурупами с крупными красивыми головками, легко читалась надпись: «Navigare necesse est, vivere non est necesse».

Сразу вспомнились уроки латыни в институте и многие попытки правильно передать по-русски смысл этого латинского изречения, от которого пересыхает в глотке и волосы на голове шевелятся.

«Плывать по морю необходимо, жить не так уж необходимо».

«Жить не обязательно. Плывать по морю обязательно».

«Кто на море не бывал, тот не жил на свете».

«Плывать по морю необходимо, жить необходимости нет».

Последний вариант и был принят за наиболее близкий по смыслу к оригиналу. Но и он не передаёт всей чеканной гордости, всей высокой жертвенности, всей дерзости изречения Гнея Помпея.

В бытность свою консулом Римской республики Помпей получил от сената полномочия на закупку пшеницы в Африке. В Италии случился неурожайный год, и Рим остро нуждался в хлебе.

Когда корабли были уже загружены и стояли у причалов, готовые к отплытию, неожиданно разразилась буря, грозившая сорвать корабли с якорей и выбросить их на берег. Единственным спасением было презреть опасность и выйти в море. И Помпей обратился к матросам флотилии с короткой речью:

«Мужи римские! Выйти в море необходимо, жить необходимости нет!»

Он первым шагнул на сходни. И моряки, все как один, заняли свои места у такелажа.

29. Старый костёр

«Неужели весь экипаж погиб в ледяной воде или разбился о скалы во время шторма?» – Гарт вспомнил себя самого на гребне стремительно несущейся к берегу прибойной волны, и мороз прошёл между плеч.

«От скал тех каменных у нас, варягов, кости. Мы в море родились, умрём на море!»

Смотреть на море расхотелось. Вышел на кромку берега и прошёлся туда-сюда в надежде найти следы потерпевших кораблекрушение в давние-предавние годы. И обратил внимание на песца. «Домашняя животная» лежала, свернувшись клубочком, на ярко-зелёном мху и внимательно наблюдала за человеком.

И это моховое пятно имело чёткую круговую форму, чего никогда не бывает в тундре. А в тундре никогда ничего не бывает просто так.

Шуганул песца шлепком по заду. Черныш обиженно тявкнул и отскочил. Гарт наклонился, запустил обе руки в эту плотную зелёную шубу и рванул её кверху. Чёрные зёрна блеснули в зелени. Набрал горсть.

Древесный уголь. Старый, полураспавшийся. Между пальцев можно растереть. Сашка снял весь слой мха.

Вот так новости!

Открылось кострище.

С толстым слоем углей.

Здесь жгли огонь не один день.

Всё ясно. А же где стояла палатка?

А вот! Рядом с огромным длинным валуном, который как динозавр выставил свой зубчатый гребень из мерзлой глины – ровная ярко-зелёная площадочка. Сашка снял мох и с неё. Открылись лежащие рядом три широкие, толстые доски. Охотник поднял одну. Строганая. Верхняя сторона, изъеденная гнилью и мохом, крошилась под пальцами. Нижняя, лежавшая на мерзлоте – почти как новая.

Максимум двое могли уместиться на такой малой площади. Где же стояли остальные палатки? Поиски ничего не дали. Лишь несколько остатков колышков, беспорядочно набитых вокруг досок, освободил Гарт из-под мха. Значит, не было палатки, значит, просто обрывки паруса натянули от дождя и ветра.

Неужели только двое моряков спаслись в тот несчастливый день? Ещё раз обошёл остов корабля кругом. Внимательно осмотрел каждую досочку сохранившейся носовой части обшивки. Но если была какая-то надпись, то краска давно осыпалась от дождя и мороза.

Интересно, сколько лет должно пройти, чтобы на углях вырос мох? Чтобы толстый слой мха вырос на мёртвом, сгоревшем дереве?

Где-то в этих местах, погибла в 1913 году экспедиция гео-

лога Владимира Александровича Русанова на судне «Геркулес». Искали экспедицию в 1914-м и в 1915 году. Моторная шхуна «Эклипс» под руководством знаменитого норвежца, капитана Отто Свердруп, вышла на поиски из Архангельска, имея радиостанцию на борту, но сама попала в ледовый плен. Близ устья Нижней Таймыры «Эклипс» вмёрзла в лёд и зазимовала.

Ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач» под общим руководством капитана Бориса Вилькицкого вышли из Владивостока, двигаясь Северным морским путём к Архангельску.

В августе 1913 года, встретив на траверсе м. Челюскина непроходимые льды, Вилькицкий приказал отвернуть к северу. Так был открыт огромный архипелаг: «Земля императора Николая Второго», который большевистское правительство переименовало затем в архипелаг «Северная Земля».

Navigare necesse est...

30. Беседа с Чернышом

Увидев, что человек копается в земле, Черныш тоже стал деловитым видом нюхать мох и раскапывать-разрывать его передними лапками. И не без результата. Вскоре он выкопал половинку нижней челюсти оленя с отлично сохранившимися зубами и несколько тонких нерпичьих рёбрышек.

– Вот спасибо, помощник хвостатый! Дай, поглажу тебя по головке. Заслужил! Теперь я вижу: эти люди здесь охотились!

Но Черныш тьякнул и отскочил. Во всём он доверял человеку, но притронуться к своей голове не разрешал.

– Ну, вот! Я приручить тебя собрался. А ты всё как дикий!

– Вау! (А мы, песцы, не приручаемся!)

– Так уж и не приручаетесь? Ты же почти совсем ручной. И еду из моих рук берёшь, и спишь рядом, и не обижаешься, если наругаю или шлёпну тебя за проказы. Давай будем жить вместе?

– Вау! (Нет, мы – кочевники. Мы любим бегать, разные другие места узнавать. Я тоже скоро убегу, а за еду спасибо, кто ж от еды откажется?)

– Говорят, вашего брата и на паковом льду видели, далеко-далёко от земли. Что же вы там едите? Ведь ни лемминга, ни куропатки там днём с огнём не сыщешь?

– Вау-вау! (Зато медведи есть!)

– Вам удаётся загнать и сожрать медведя?

– Вау! (Сожрёшь его, раскатал губу! Он сам кого хочешь сожрёт!)

– Не пойму тогда...

– Вау! (А мы за ним ходим. Добудет мишка нерпу или моржа, всё ведь не съест. Всегда останется мясо на косточках, лапки, морда, ласты, шкура. А тут и мы...)

– Так он делится с песцами? Не знал, что они такие благородные животные!

– Вау-вау-вау! (Какой там «благородные»! Обжоры ещё те! Но глупые. Ты видел, как медведь добытую нерпу жрёт?)

– Только в бинокль.

– Вау! (В бинокль всего не углядишь... Если мишка сытый, он лишь жирок объест с нерпы добытой. А всю тушу бросает и уходит за новыми приключениями. И тут нам пир горой! Все, кто из нашего брата есть в окрестностях, все прибегают на свежину. Важно быстрее бургомистров успеть. Со всем негодная птица. Начисто острым клювом всё выклюет, ничего не оставит. Мало того: если зазеваешься, и тебе глаз выбьет, а потом и заклюёт насмерть. Ну, естественно, и мы их тоже... Ляжешь на бережку, мёртвым прикинешься, а одним глазом смотришь. Ну и... в общем, как повезёт...)

– А если мишка голодный?

– Вау! (Тогда всё сожрёт, ни кусочка не оставит. Но шкуру не ест и на ластах довольно жил останется, чтобы погрызть раз-другой и наестся. Мы, песцы, народ не привередливый,

ни шкурой, ни жилкой не брезгуем. Даже каменно-замёрзшее мясо едим. Подышим-подышим на него, оттаиваем и грызём.

– И что, босые не гоняют вашего брата?

– Вау! (Ещё как гоняют! Тут гляди в оба! Не успеешь увернуться, такую плюху получишь – летишь, как чайка!)

– Так что же вы в тундре не живёте? Мышей не едите?

– Вау! (Как это не едим? Лемминг – основное наше питание. Только не каждый год они бывают, мыши эти. И потом, тяга к странствиям у нас, охота к перемене мест, немногих добровольный крест, как вот у Онегина вашего, помещика богатого. Тоже ведь не сиделось ему: и там, и сям на следил...)

– Ну-ну, ты грамотный! Прямо редкостный песец! Где учился-то?

– Вау-вау-вау! (До всего сам доходил... На заброшенных зимовках книжек навалом, на берегу моря – всяких фляжек из-под духов-шампуней, – читаешься и нюхаешься до одури! Мочевой автограф, если ты воспитанный песец, оставишь: «Нюхал, читал и пробовал на зуб недоросль Черныш», и бежишь себе дальше).

– Моё уважение к Вам, о недоросль Тундры, высокоучёный Черныш, многократно возросло! – Гарт шаркнул ногой по щёбёнке и склонился в поклоне. – Ныне же властью, данной мне свыше, в ознаменование великих подвигов ваших, произвожу вас в графское достоинство и рекомендую всем

именовать вас не иначе как Его Сиятельство, Граф Чернышов-Таймырский! В награду же вам – съедобная медаль, каковая будет выдана немедленно и без судебных проволочек!

– Вау-вау-вау! – обрадовался Его Сиятельство, встал на задние лапки и исполнил Танец Тундрового Песца. Был награждён «медалью» в виде куска вяленой оленины и приступил к трапезе.

31. Пропавшая экспедиция

В этот день Гарт отремонтировал всю цепочку капканов на южном мысу, а ночевать решил на берегу: песок легче прогреть для ночёвки, чем мерзлую глину тундры.

Настоящей ночи ещё не было, просто темень сгустилась, как туман. Крупные звёзды тянули к сердцу светлые паутинки, и легонько плескалась волна. Контур разбитой шхуны впечатался в небо, чайки писали на закате белые письма.

«Нет, это наверняка не обломки русановского “Геркулеса”. Скорее обычное зверобойное судно. Норвежское? Датское? Шведское?..»

Пужинав и накормив Черныша, Сашка устроил себе обычный тёплый ночлег с двумя ноodyами по бокам. Залез в спальник, положил под руку карабин и стал смотреть в небо.

...И если подлинно поётся,
И полной грудью наконец.
Всё исчезает – остаётся
Пространство, звёзды и певец.

И. Мандельштам, 1913

...Первые несомненные следы экспедиции В. Русанова были обнаружены в 1934 году: на безымянном островке в архипелаге Мона топографы нашли столб с вырезанной на нём надписью «Геркулесь 1913». Гораздо южнее, на безымянном

островке в архипелаге Минина, были найдены перочинный ножик, расчёска, патроны, компас, французская монета, маникюрные ножницы и обрывок рукописи В. Русанова. В составе экспедиции была женщина, невеста В. Русанова, французенка Жюльетта Жан-Соссин, геолог и медсестра по образованию. Возможно, монета и ножницы принадлежали ей.

На другой год, после тщательных поисков, на этом же острове были найдены обрывки одежды и рюкзака, испорченный фотоаппарат «Кодак», железные ложки, документы матросов Василия Попова и Александра Чухчина, именные часы Попова, дужка от очков (очки носил механик экспедиции Константин Семёнов) и патроны десяти разных типов, от шести видов оружия. То есть на острове останавливалась целая группа людей, и здесь произошло какое-то несчастье, заставившее некоторых бросить матросские книжки, патроны и личные вещи.

В 1970 годах экспедиция Дмитрия Шпаро нашла (в разных местах) поломанные нарты, изготовленные из остатков судового рангоута и медных судовых трубок, багор, крышку от патронного ящика и большое кострище на высоком берегу мыса Михайлова.

Плавник для костра на высоком берегу приходилось собирать внизу, у берега моря, так что кострище это носило явно сигнальный характер.

Следы экспедиции теряются в архипелаге Минина. Никто

не был найден. Десять молодых сильных мужчин и одна женщина до сих пор считаются пропавшими без вести.

Vivere non est necesse...⁶

---

⁶ Жить необходимости нет (*лат.*).

32. Неожиданный визит

Часа через три охотник проснулся от тьявканья Черныша. Песцы и лисы не умеют лаять «очередьями», как собаки. Они просто резко, отрывисто тьявкают, но и этим единственным звуком умеют передать недовольство, испуг или радость.

Тьявканье промысловик спросонок расценил как лёгкий испуг: зверёк что-то неприятное увидел.

– В чём дело, Александрос, не знаешь?

– Не-а. Я тоже чуток прикемарил... Ой, смотри-ка!

От серой глыбы разбитого парусника отделилась фигура большого медведя и остановилась, уткнув нос в береговую гальку.

Мигом слетели с охотника остатки сна. Быстрый взгляд на нодьи: обе дымятся, но ветер – с моря на сушу. Босой не чует.

Гарт хлопнул себя по нагрудному карману. Береста и зажигалка на месте, но ни зажечь новый огонь, ни раздуть его из углей нет времени. Умка уже спускался с береговых камней, направляясь к «лежбищу» человека.

«Точно по следам идёт! Неужели на сапогах после выделки мочой остался запах тюленя? Жаль, ракетницы нет».

Загнал патрон в ствол и сел на корточки, спружинив ноги.

Непривычный звук не испугал медведя и не насторожил

его.

Когда до зверя осталось шагов пять-шесть, человек с громким криком прыгнул вперёд и нажал спуск. Красный флажок огня из дула винтовки едва не коснулся медвежьего уха. Оглушительно бабахнул выстрел.

Потапыч опешил и сел на задницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.